[Ткачман М.]

ЧТО ХОТѢЛЪ СКАЗАТЬ

Ѳ. М. ДОСТОЕВСКІЙ

своимъ романомъ

„БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ“.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Алекс.-Невск. Общ. Трезвости, Обводный к., 116.
1912.

ЧТО ХОТѢЛЪ СКАЗАТЬ

Ѳ. М. ДОСТОЕВСКІЙ

своимъ романомъ

„БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ“.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Алекс.-Невск. Общества Трезвости, Обводный кан., 116.
1912.

Что хотѣлъ сказать Ѳ. М. Достоевскій своимъ романомъ «Братья Карамазовы»?

I.

Знаменитый романъ Достоевскаго „Братья Карамазовы“, несмотря на его недостатки, больше внѣшняго, впрочемъ, техническаго характера, представляетъ собою, съ внутренней стороны, произведеніе выдающееся по глубинѣ проникновенія и серьезности замысла. Равнаго ему въ этомъ отношеніи не имѣется въ міровой литературѣ. Только генію Достоевскаго могла быть доступна та работа, плодомъ которой явился этотъ романъ, съ одинаковой силой охватывающій самыя разнородныя стихіи человѣческой жизни, отражающій и землю и небо, тьму и свѣтъ, вопли и муки грѣха и тихую радость святости.

Идейное богатство романа „Братья Карамазовы“ неисчерпаемо. Имѣя отправной точкой землю, часто грязную, залитую слезами, потомъ и кровью, геніальный художникъ уноситъ читателя своимъ романомъ въ такую высь, откуда міръ перестаетъ казаться какимъ-то кошмаромъ, мучительнымъ и нелѣпымъ. Болѣе того: возможность счастья, подлиннаго, неотъемлемаго счастья ясно вырисовывается предъ духовнымъ взоромъ читателя, и не въ туманной или отвлеченной идеѣ, а въ самомъ реальномъ и опредѣленномъ образѣ.

Это наиболѣе драгоцѣнная сторона въ данномъ произведеніи нашего великаго писателя, особенно въ переживаемое нами время, когда наша „изящная“ литература поетъ гимны лишь всяческому отрицанію и даже голому разврату. Но, къ сожалѣнію, этотъ важнѣйшій элементъ, т. е. положительная сторона идейнаго богатства Достоевскаго, какъ-то мало у насъ цѣнится, нерѣдко и совсѣмъ игнорируется. Есть „руководства“ по литературѣ, гдѣ, напримѣръ, о старцѣ Зосимѣ даже и не упоминается, въ иныхъ упоминается лишь вскользь, съ замѣтнымъ пренебреженіемъ, тогда какъ старикъ Карамазовъ и его сынъ Димитрій разбираются сравнительно подробно. А вѣдь старецъ Зосима—центральное лицо этого романа, по глубинѣ и важности вложенной въ него идеи; Зосима — идеалъ Достоевскаго. А такъ какъ это идеалъ не совсѣмъ простого человѣка, это идеалъ сознательнѣйшаго интеллигента, да вдобавокъ еще общепризнаннаго геніальнаго психолога, то понятно, какой въ дѣйствительности интересъ долженъ представлять для насъ этотъ художественный образъ. Нашей задачей и будетъ отнестись къ Достоевскому съ должной справедливостью. Задачей нашей будетъ, насколько это возможно, выявить сокровенный, несомнѣнно глубокій и важный смыслъ знаменитаго романа, понять не только то, что отрицается этимъ романомъ, но и то, что ставится на мѣсто отрицаемаго, какъ идеалъ.

Интересующій насъ романъ можно назвать исповѣданіемъ Достоевскаго. Писатель готовился къ нему долго и усердно, возлагалъ на него большія надежды: „можетъ-быть, скажутъ, что не все пустяки писалъ“, признавался онъ своимъ друзьямъ, замысливъ романъ. Но Достоевскій успѣлъ написать лишь половину задуманнаго — то, что мы имѣемъ. Воспроизведемъ въ кратчайшемъ видѣ самое содержаніе произведенія.

Въ уѣздномъ городѣ, не совсѣмъ захолустномъ, живетъ „семейка“ Карамазовыхъ, состоящая изъ отца и трехъ сыновей — Димитрія, Ивана и Алеши; отецъ уже довольно пожилой (въ романѣ часто называется старикомъ), Димитрію 28 лѣтъ, Ивану 24, Алешѣ 19. Семья довольно зажиточная. Отецъ и его старшій сынъ занимаются развратомъ и попойками, каждый особо и самостоятельно (Димитрій, кромѣ того, и само-

угрызеніемъ); между собою они соперники и даже враги — сначала на почвѣ раздѣла имущества, а затѣмъ и на почвѣ разврата: каждому изъ нихъ до изступленія хотѣлось овладѣть нѣкоей Грушенькой— особой болѣе, чѣмъ сомнительнаго поведенія, но одинаково очаровавшей этихъ „героевъ“. Въ пылу ревности Димитрій готовъ былъ убить ненавистнаго отца, что, можетъ-быть, и сдѣлалъ бы подъ пьяную руку; его упредилъ, однако, четвертый сынъ главы этой „семейки“—лакей Смердяковъ, поистинѣ „сынъ беззаконія“, потому что былъ побочнымъ сыномъ Карамазова отъ грязной и страшной идіотки-нищенки — Лизаветы Смердящей. Смердяковъ, наслышавшись рѣчей Ивана о томъ, что Бога нѣтъ и что поэтому „все позволено“, въ угоду ему, своему кумиру, и совершилъ отцеубійство, искусно схоронивъ концы. Иванъ, въ сущности только теоретизировавшій, а въ практикѣ своей жизни бывшій порядочнымъ человѣкомъ, никакъ не ожидалъ, чтобъ его, чисто теоретическія, рѣчи породили столь страшное дѣло. Онъ чуть не сходитъ съ ума, галлюцинируетъ и невыносимо страдаетъ. Власти подозрѣваютъ въ преступленіи Димитрія: всѣ улики оказываются противъ него. Его судятъ и осуждаютъ на каторгу. Въ романѣ полностью приводятся рѣчи—прокурора, защитниковъ,—блестящія рѣчи, съ точки зрѣнія юридическаго краснорѣчія, но какъ нельзя лучше въ то же время обнаруживающія предъ читателями всю слѣпоту и бездушіе нашей Ѳемиды.—Что касается Алеши, то онъ внѣ этихъ передрягъ; живя то въ монастырѣ — подгородномъ, у старца Зосимы въ качествѣ послушника, то у родителя своего, Алеша все время является ангеломъ-хранителемъ „страждущихъ и обремененныхъ“ грѣхами и заботами; всюду, гдѣ онъ ни появляется „въ міру“, вноситъ онъ съ собою свѣтъ и тепло. Оттого всѣ такъ его и любятъ. Самъ онъ душою и сердцемъ привязанъ къ старцу Зосимѣ — съ любовію и благоговѣніемъ слушаетъ его рѣчи и поученія, даже записываетъ ихъ.

Зосима — солнце въ романѣ: всѣмъ онъ свѣтитъ и всѣхъ грѣетъ своею неистощимою любовію,—конечно, кромѣ тѣхъ, кто отрицательно относится къ нему и закрывается отъ его лучей. Въ романѣ отведено много

мѣста ученію и рѣчамъ старца Зосимы, равно какъ и рѣчамъ атеиста Ивана.

Что хотѣлъ сказать этимъ своимъ романомъ Достоевскій? Этотъ вопросъ, столь затрудняющій многихъ читателей Достоевскаго, по причинѣ огромной сложности романа, обилія самыхъ разнообразныхъ лицъ и сценъ, разрѣшается, однако, безъ особеннаго затрудненія, если взглянуть на дѣло съ точки зрѣнія самого Достоевскаго. Что такое былъ Достоевскій? Это былъ прежде всего и больше всего человѣкъ—въ лучшемъ, высшемъ смыслѣ этого слова. Вопросы, которые его волновали и мучили болѣе всего, это вѣковѣчные, старые, какъ міръ, и новые, какъ завтрашній день, вопросы человѣка о Богѣ, мірѣ, безсмертіи, вопросы о счастіи и смыслѣ жизни. Гигантъ духа, Достоевскій не замыкался въ какія-либо сословныя или партійныя перегородки, и потому понять его съ точки зрѣнія партіи, кучки невозможно.

Ставя и разрѣшая вопросы общечеловѣческаго характера и значенія, Достоевскій ведетъ къ Богу, но ведетъ своимъ, особымъ путемъ, мучительно выстраданнымъ и всесторонне продуманнымъ. Сразу чувствуется, что это надежный руководитель, знающій всѣ входы и выходы, всѣ извилины и тропинки.

И какъ же было не вскипѣть негодованіемъ этому сознательнѣйшему и глубокоубѣжденному христіанину, когда его идейные противники, съ мнимой высоты своего атеизма, третировали его какъ „мракобѣса“ и „ретрограда“. —„Мерзавцы дразнятъ меня ретроградною вѣрой въ Бога“, — возмущался Достоевскій въ своемъ дневникѣ; а извѣстному Кавелину писалъ: „Вы бы могли отнестись ко мнѣ... не столь высокомѣрно.·. И въ Европѣ такой силы атеистическихъ выраженіе нѣтъ и не было. Стало-быть, не какъ мальчикъ же я вѣрую во Христа и Его исповѣдую, а черезъ большой горнило сомнѣній моя „осанна“ прошла“...

Невозможно охватить всѣ мотивы, всѣ мысли, чувства, ощущенія, то едва трепещущія, то перекатывающіяся страшными волнами на морѣ той жизни, что вмѣстилъ въ своей книгѣ великій писатель. Но можно сдѣлать главнѣйшія обобщенія, группировки тѣхъ

жизненныхъ явленій, фактовъ, которые въ давящемъ изобиліи находимъ въ романѣ Достоевскаго.

Въ романѣ мы должны отмѣтить прежде всего старика Карамазова и старца Зосиму, стоящихъ какъ бы на двухъ противоположныхъ полюсахъ жизни. Между ними, какъ градаціи, размѣщаются всѣ остальныя лица романа, одни—тяготѣющія къ первому, другія ко второму. И все это сознательно или безсознательно стремится къ счастью, при чемъ иные ищутъ его судорожно, мучительно, и все же безрезультатно, потому что не тамъ и не такъ они ищутъ его. Великій писатель даетъ намъ всестороннее рѣшеніе проблемы человѣческой жизни, рѣшаетъ вопросъ и отрицательнымъ и положительнымъ путемъ. Начнемъ съ разсмотрѣнія перваго.

Предъ нами старикъ Карамазовъ. Постигъ ли онъ тайну жизни? Счастливъ ли онъ? Повидимому, съ этимъ вопросомъ естественнѣе всего обратиться къ нему самому: вѣдь то, что называютъ счастьемъ, въ значительной мѣрѣ субъективная вещь,—каждый понимаетъ счастье по-своему, поскольку самъ отвѣчаетъ за себя. Но это сознаніе права самому такъ или иначе понимать и устроять свое счастье, далеко не можетъ служить мѣриломъ истинности и подлинности самаго счастья: человѣкъ нерѣдко обманывается, и въ ослѣпленіи, можетъ-быть, невольномъ, принимаетъ за счастье нерѣдко призракъ его, а подчасъ прямо-таки и суррогатъ счастья. И вотъ, насколько намъ извѣстенъ старикъ Карамазовъ, какъ человѣкъ, мы, вѣроятно, услыхали бы отъ него циничное признаніе, что онъ собою доволенъ и иного счастья не желаетъ, развѣ лишь, чтобъ Грушенька навѣщала его почаще, а сынокъ Митя провалился бы куда-нибудь въ тартарары. Признаемъ ли мы его счастье? Нѣтъ. Можно признать счастье свиньи, по уши закопавшейся въ зловонной жижѣ, можно признать счастье мокрицы, облюбовавшей затхлый и заплеснѣвѣлый уголъ, но вѣдь человѣкъ-то, хочется думать, повыше свиньи и мокрицы. Мы этого не можемъ забыть, не должны забывать. И какъ бы ни чувствовалъ себя прекрасно старикъ Карамазовъ, этотъ „отецъ лжи“ (какъ онъ разъ обмолвился невзначай, но удачно, на свой счетъ), утопая въ грязи распутства, мы единогласно и безъ колебаній отрицательно отне-

семся къ такому счастью. Больше того: мы ясно видимъ, что старикъ лжетъ—мы на вѣримъ даже въ его субъективное счастье. Его душевныя переживанія—это переживанія несчастнаго человѣка: на каждомъ шагу онъ волнуется, раздражается, ревнуетъ, боится, ненавидитъ, бранится и т. д.; болѣе же всего онъ чувствуетъ себя одинокимъ и презираемымъ,—и презираемымъ „по дѣломъ". А вѣдь онъ не безъ гордости—этотъ „эпикуреецъ съ профилемъ римскаго патриція временъ упадка".

Чтобы лучше понять идейный смыслъ, вложенный авторомъ въ эту фигуру, надо имѣть въ виду прежде всего полную безпринципность Карамазова-отца: ни Бога, ни совѣсти, ни стыда, ни даже практической пользы (хотя послѣднее и не совсѣмъ)—ничего не признаетъ этотъ гнусный выродокъ человѣчества: единственно лишь голосъ чувственной страсти, пріятныя физіологическія ощущенія. Никакой борьбы съ собой, ни малѣйшаго самоограниченія. Центръ тяжести всецѣло перенесенъ въ область плоти, душа забыта и игнорируется совершенно... И вотъ плоды: сплошное свинство и безпутство. „Смотрите,—какъ бы такъ говоритъ намъ Достоевскій: вотъ человѣкъ, отрицающій природу и права духа; онъ только плоть, онъ хочетъ быть только ею одною, всецѣло, безъ остатка, и вотъ предъ вами жизнь его—жизнь единственно плоти. Некрасиво, что и говорить,—мерзко, но за то логически послѣдовательно; съ отрицаніемъ духа, съ его святынями—Богомъ и совѣстью, никто и ничто не имѣетъ права остановить человѣка: „все позволено", и полная разнузданность—его логическій удѣлъ и неотъемлемое право".

Жизненно-практическій выводъ отсюда ясенъ: нельзя, не подобаетъ человѣку центръ жизни полагать въ области плоти; нѣтъ и не можетъ быть въ такой жизни ни *счастья* ни смысла...

Но если тайна счастливой и осмысленной жизни не у Карамазова-отца, то, можетъ быть, она у его старшаго сына, Димитрія? Если нельзя, не слѣдуетъ сущность нормальной жизни сводить къ удовлетворенію плотскихъ потребностей и желаній, то, можетъ быть, и тѣло и духъ почтить одинаковымъ вниманіемъ и будетъ мудрымъ рѣшеніемъ вопроса о нормальной жизни? И на этотъ вопросъ нашъ писатель-учитель говоритъ

намъ: нѣтъ, и говоритъ яркимъ и сильнымъ образомъ, какъ пророкъ. Димитрій временами весь во власти своего тѣла; похоть влечетъ его часто съ неудержимой силой въ то же болото, изъ котораго не вылазитъ его отецъ. Но у Димитрія, временами же, просыпается совѣсть. И вотъ разныя половины его „я“ съ одинаковой силой тянутъ этого человѣка въ разныя стороны, и Димитрій тогда въ нашихъ глазахъ и въ собственныхъ—несчастная живая арена борьбы двухъ могучихъ силъ. На всемъ протяженіи романа онъ мечется, какъ шальной, справа налѣво, слѣва направо, то хохоча, то рыдая, то дѣлая гнусное предложеніе, то являя настоящій подвигъ рыцарской честности, въ общемъ же истерически чувствуя фальшь и ненормальность своего положенія.

Не напрасно авторъ вывелъ Димитрія Карамазова съ сильнымъ тѣломъ и большой душой: на такомъ экземплярѣ яснѣе видно, что и Богу и мамонѣ ни одновременно, ни попеременно служить нельзя. Мученія, терзанія, несчастная жизнь будутъ и въ этомъ случаѣ логическимъ удѣломъ. Конечно, маленькій, слабенькій, пошленькій человѣкъ, можетъ быть, лучше Димитрія смогъ бы примирить интересы слизняка съ крохами своей маленькой совѣсти, и явилъ бы намъ образъ жизни тихой, безмятежной и, по-своему, счастливой; но всестороннее ничтожество такого типа и безъ содѣйствія Достоевскаго не оставляетъ въ насъ никакого сомнѣнія насчетъ его этической и всякой иной цѣнности...

Такимъ людямъ, какъ Димитрій Карамазовъ, чрезвычайно трудно найти равновѣсіе. Широкая натура много натворитъ бѣдъ, много и настоящаго геройства можетъ проявить, но все же будетъ чувствовать себя внѣ колеи. Широкимъ натурамъ надо „перебѣситься“ и, главное, пострадать; тогда только и откроется имъ возможность устойчиваго положенія. Таковъ смыслъ сложной фигуры Димитрія Карамазова.

Въ душѣ Димитрія крѣпко сидитъ любовь къ Богу и правдѣ, и она-то, эта любовь, не даетъ ему погибнуть до конца.—„Россію люблю, Алексѣй, русскаго - Бога люблю, хоть я самъ и подлецъ!“ восклицаетъ онъ, обращаясь къ любимому брату. Слово „подлецъ“, которымъ, кстати сказать, совершенно искренно обзываетъ себя Димитрій, продиктовано тѣмъ же чувствомъ правды.

Но съ своимъ чувствомъ правды, до капитальныхъ страданій своихъ, связанныхъ съ судомъ надъ нимъ, яко бы отцеубійцей, Димитрій все же смотрѣлъ какъ-то отвлеченно впередъ; смутно, туманно проступалъ предъ его воспаленными отъ кутежей глазами идеалъ... Что такое „русскій Богъ“? и что именно любилъ онъ въ этомъ страшно огромномъ и разнообразномъ, что называетъ онъ Россіей? Яснаго и точнаго отвѣта онъ не могъ бы дать на эти вопросы. Глаза его прозрѣли лишь въ страданіяхъ, выпавшихъ на его долю. Димитрій видитъ знаменательный сонъ: „онъ гдѣ-то въ степи... везетъ его въ слякоть на телѣгѣ мужикъ... И вотъ недалеко селеніе, виднѣются избы—черныя, пречерныя, а половина избъ погорѣла—торчатъ одни обгорѣлыя бревна. А при въѣздѣ выстроились на дорогѣ бабы, много бабъ,—цѣлый рядъ, все худыя, испитыя,—какія-то коричневыя у нихъ лица. Вотъ одна съ краю, такая костлявая, высокаго роста, кажется ей лѣтъ 40, а можетъ, и всего только 20..., а на рукахъ у нея плачетъ ребеночекъ, и груди-то, должно быть, у ней такія изсохшія, и ни капли въ нихъ молока. И плачетъ, плачетъ дитя, и ручки протягиваетъ, голенькія, съ кулаченками, отъ холоду совсѣмъ какія-то синія... Что они плачутъ? Чего они плачутъ?—спрашиваетъ Митя.—Дите, отвѣчаетъ ему ямщикъ,—дите плачетъ...—Да отчего оно плачетъ? домогается, какъ глупый, Митя: почему ручки голенькія?.. почему его не закутаютъ.—А иззябло дите, промерзла одежа...—Да почему это такъ? почему?—все не отстаетъ глупый Митя.—А бѣдные, погорѣлые, хлѣбушка нѣтути, на погорѣлое мѣсто просятъ.—Нѣтъ, нѣтъ,—все будто еще не понимаетъ Митя: почему это стоятъ погорѣлыя матери? почему бѣдные люди? почему бѣдно дите? почему голая степь? почему они не обнимаются, не цѣлуются, почему не поютъ пѣсенъ радостныхъ, почему онѣ почернѣли такъ, почему не кормятъ дите“?.. Нѣтъ отвѣта... Но отвѣтъ уже зрѣлъ въ глубинѣ Митиной души, а на судѣ вылился въ опредѣленную и яркую форму:

„Господа!“—воскликнулъ Митя въ какомъ-то вдохновеніи:—„всѣ мы жестоки, всѣ мы изверги, всѣ плакать заставляемъ людей, матерей и грудныхъ дѣтей; но изъ всѣхъ—пусть ужъ такъ будетъ рѣшено теперь—изъ

всѣхъ я самый подлый гадъ! Пусть!.. Каждый день моей жизни, я, бія себя въ грудь, обѣщалъ исправиться, и каждый день творилъ все тѣ же пакости“...

Сонъ Димитрія былъ, конечно, не иное что, какъ сильный укоръ совѣсти, обостренной страданіями. Димитрій сталъ на твердую почву. Теперь онъ зналъ, что дѣлать и какъ быть съ собой: заговорившая совѣсть была тому надежной порукой.

Будущее Димитрія намъ неизвѣстно: Достоевскій, какъ уже было упомянуто, успѣлъ написать только половину задуманнаго; но если бъ писатель изобразилъ половину жизни Д-ія, мы бы, вѣроятно, прочли о жизни человѣка успокоившагося, „нашедшаго себя въ себѣ самомъ“, человѣка, пришедшаго къ своему „русскому Богу“, Котораго онъ всю жизнь жаждалъ и отъ Котораго его съ силою отбрасывали далеко въ сторону страсти, бушевавшія въ его крѣпкомъ организмѣ потому, что не было имъ достаточнаго противовѣса. Но противовѣсъ, слава Богу, найденъ теперь, и Димитрій, безъ сомнѣнія, дѣломъ самымъ поработалъ бы той правдѣ, которая открылась ему въ памятномъ снѣ. И въ этомъ было бы его спасеніе. Но все же такой конецъ Димитрія, хотя бы и былъ психологически вѣренъ, однако, фактически—и это весьма вѣроятно—Димитрій могъ бы не дожить до свѣтлой полосы своей жизни: такіе люди, какъ онъ самъ создаютъ себѣ на каждомъ шагу роковыя обстоятельства, сводящія ихъ съ смертью нерѣдко гораздо раньше, чѣмъ это могло бы случиться при иномъ характерѣ человѣка. Вѣдь совершенно вѣрно говоритъ Димитрій Алешѣ—послѣ своего осужденія на каторгу: „Вотъ что еще я хотѣлъ тебѣ сказать: если бить станутъ дорогой, аль тамъ, то я не дамся,— а убью, и меня разстрѣляютъ“... Очевидно, что только счастливая случайность могла бы дать возможность Димитрію явить собою въ будущемъ нормальнаго, просвѣтленнаго человѣка. Ну, а разъ случайность можетъ играть такую роль въ жизни человѣка, значитъ зданіе строится не на прочномъ фундаментѣ.

Вулканическій Димитрій — повторяемъ — представляетъ собою отрицательное рѣшеніе вопроса о жизни осмысленной и счастливой, хотя свѣтъ такой жизни и

мелькнулъ предъ глазами его въ будущемъ. А пока Димитрій фактически прежній Димитрій—работы надъ собой еще не было. Въ крайнемъ случаѣ, онъ—лучшее изъ худшаго. Такимъ образомъ, ни пассивное слѣдованіе похотямъ и страстямъ, какъ въ Карамазовѣ-отцѣ, ни вулканическое бурленіе жизни, какъ въ Димитріи, не есть настоящая, цѣнная жизнь.

Обратимся теперь къ Ивану Карамазову. Уравновѣшенный, владѣющій собой, умница перворазрядный, жаждущій правды не меньше Димитрія, имѣющій сверхъ всего еще и то преимущество предъ братомъ, что не представляетъ собою раздираемое страстями существо, Иванъ, повидимому, обладаетъ всѣми данными, чтобъ уразумѣть и раскрыть подлинный смыслъ жизни, а заодно съ этимъ—постигнуть и тайну счастья. Посмотримъ и послушаемъ.

Иванъ—философъ, однако не такой, который паритъ въ надзвѣздномъ туманѣ абстрактныхъ идей, созерцая съ высоты своего полета бытіе и жизнь какъ бы стеклянными, безучастными глазами.

Иванъ—философъ-мученикъ, ищущій жизненной, а не абстрактной (въ сущности, мало пригодной человѣку) правды. Въ головѣ Ивана гвоздемъ засѣлъ мучительный вопросъ о смыслѣ человѣческихъ страданій, и въ особенности—страданій ни въ чемъ лично неповинныхъ маленькихъ дѣтей. Этотъ вопросъ коренной для него, а такъ какъ никакой умъ человѣческій разрѣшить его не можетъ въ положительную сторону, а съ рѣшеніемъ въ сторону отрицательную чувство правды мириться не хочетъ, то и понятно глубоко трагическое состояніе Ивана.

Иванъ—атеистъ, но не поставившій точку; онъ изъ „ищущихъ", но ищущихъ гордо, самостоятельно, опираясь на силу „эвклидовскаго" ума своего. И вотъ, какъ ни напрягаетъ онъ всю силу своего ума, осмысленіе абсурдовъ и ужасовъ жизни не дается ему: страданія и злоба царятъ на несчастной землѣ, радостей мало, гармоніи, по которой такъ болитъ душа, не только нѣтъ, но и не предвидится... Его уму уже предносится идея Бога жестокаго, но онъ чувствуетъ всю нелѣпость этой идеи и предпочитаетъ лучше совсѣмъ остаться безъ Бога, если Бога благостнаго

онъ понять не можетъ. Онъ, по его собственному признанію, не отрицаетъ Бога, но и не признаетъ Его: ни для отрицанія, ни для признанія онъ не находитъ достаточныхъ, вполнѣ убѣдительныхъ научныхъ основаній; онъ просто не принимаетъ Бога, если даже Богъ и есть. Это какой-то особенный атеизмъ, выросшій не на теоретической почвѣ знанія, а, повидимому, на высшей—этической, какъ и представляется это самому Ивану Карамазову, несмотря на странность, парадоксальность даже такой мысли. Чувствуется, что здѣсь именно и заключается та сила „атеистическихъ выраженій", которыхъ и въ Европѣ не было" (какъ писалъ Достоевскій Кавелину).

Но убѣжденіе въ правотѣ своего непринятія Бога (а этимъ самымъ и отрицанія Его) не даетъ Ивану ни покоя, ни счастья; оно породило лишь тягостное сознаніе или, вѣрнѣе, ощущеніе совершеннаго одиночества въ необъятномъ мірѣ. Нѣтъ точки опоры для сердца и воли — что любить? Что ненавидѣть? Что дѣлать? Чего не дѣлать? А главное — зачѣмъ и любить, и не любить, и дѣлать, и не дѣлать?.. Тяжелы эти вопросы для человѣка, который ясно сознаетъ свое превосходство надъ неразумною тварью, не задающеюся никакими подобными вопросами. Есть, правда, люди, которые относятся спокойно къ такимъ вопросамъ: ихъ миритъ съ жизнью самый фактъ жизни. Разсужденія ихъ просты: разъ, молъ, такъ устроено, что $2 \times 2 = 4$, а не 5 или 6, то противъ этого уже ничего не подѣлаешь, поневолѣ принять надо, если бъ и не нравилось. Отъ вѣка и голодъ, и холодъ, и муки, и смерть, отъ вѣка правда и ложь борются, переплетаясь въ этой борьбѣ такъ, что порою нельзя и различить, гдѣ правда, гдѣ ложь; стало быть, это и есть предуставленное отъ вѣка $2 \times 2 = 4$, а иначе и быть не можетъ; таковъ, значитъ, законъ жизни, и ничего тутъ не подѣлаешь.

На первый взглядъ такое разсужденіе кажется дѣльнымъ: противъ таблицы умноженія, точно, не пойдешь. Но бѣда-то не въ таблицѣ умноженія, а въ томъ, что жизнь человѣческая никакъ не укладывается въ тѣсныя рамки этой бездушной таблицы. Примирительная философія, въ родѣ только что приведенной, есть голосъ раба, не царя природы, да и раба-то гаденькаго, безсо-

вѣстнаго, потому что, такъ разсуждая, такъ убаюкивая себя, онъ знаетъ вѣдь, не можетъ не знать, что во многихъ случаяхъ и голодъ, и холодъ, и страданія, и преждевременная смерть, и всякое иное зло есть результатъ сознательныхъ человѣческихъ дѣяній, а вовсе не слѣпыхъ силъ природы, и валить всякую мерзость на мать-природу, забывая о себѣ, о своей отвѣтственности, по меньшей мѣрѣ, несправедливо. Жалкіе рабы слѣпой природы забываютъ о могуществѣ нравственнаго начала въ человѣкѣ.

Но не таковъ Иванъ Карамазовъ. Рабская философія его не можетъ удовлетворить. Однако и гордое признаніе въ себѣ высшаго, нравственнаго начала не даетъ нашему философу прочной основы для жизни и счастья. Онъ страдаетъ.

Несмотря на свою молодость, Иванъ Карамазовъ успѣлъ уже многое пережить и передумать, или, точнѣе, подвергнуть безпощадному критическому анализу. И вотъ онъ уже близокъ къ отчаянію: анализъ почти окончательно убилъ въ немъ надежду найти смыслъ жизни. Натура гордая, онъ свое несчастье носитъ съ собою молча,—неохотно и мало говоритъ. Въ этотъ моментъ своей жизни и появляется онъ предъ нами въ романѣ.

Иванъ Карамазовъ начинаетъ обнаруживаться предъ читателями въ главѣ „Неумѣстное собраніе". Отчасти разыгрывая роль Мефистофеля, отчасти изъ-за тайной маленькой надежды на возможность получить разрѣшеніе мучившихъ его „проклятыхъ" вопросовъ, онъ начинаетъ развивать передъ слушателями въ кельѣ Зосимы идею превращенія государства въ церковь, въ результатѣ чего (т. е. такого превращенія) и окажется, что воцареніе на землѣ высшей правды—не пустая мечта. Одинъ изъ свѣтскихъ собесѣдниковъ (Міусовъ) заподозрилъ Ивана въ неискренности и поспѣшилъ заявить, тутъ же, что „не далѣе, какъ дней пять тому назадъ, онъ (Иванъ Ѳедоровичъ) торжественно заявилъ въ спорѣ, что на всей землѣ нѣтъ рѣшительно начала такого, чтобъ заставлять людей любить себѣ подобныхъ... и что если и есть и была до сихъ поръ любовь на землѣ, то не отъ закона естественнаго, а единственно потому, что люди вѣровали въ свое безсмертіе. Такъ

что уничтожьте въ человѣчествѣ вѣру въ безсмертіе, въ немъ тотчасъ же изсякнетъ не только любовь, но и всякая живая сила, чтобы продолжать міровую жизнь. Мало того: тогда ничего уже не будетъ безнравственнаго, все будетъ позволено, даже антропофагія,... и эгоизмъ даже до злодѣйства не только долженъ быть дозволенъ человѣку, но даже признанъ необходимымъ... исходомъ въ его положеніи".

Міусовъ, безъ сомнѣнія, разсчитывалъ „провалить" въ глазахъ старца и другихъ присутствующихъ Ивана, но вышло нѣсколько иначе.

—„Блаженны вы, коли такъ вѣруете, или ужъ очень несчастны",—сказалъ Ивану старецъ Зосима.

— Почему несчастенъ?—улыбнулся тотъ.

— Потому, что, по всей вѣроятности, не вѣруете сами ни въ безсмертіе вашей души, ни даже въ то, что написали о церкви и о церковномъ вопросѣ,—отвѣтилъ старецъ.

— Можетъ быть, вы правы!... Но все же я и не совсѣмъ шутилъ...—вдругъ странно признался, впрочемъ, быстро покраснѣвъ, Иванъ Ѳедоровичъ.

Охотно повѣримъ Ивану Карамазову, что онъ не совсѣмъ шутилъ. Ему просто, на всякій случай, хотѣлось заставить искренно и глубокоубѣжденныхъ людей высказаться: въ немъ еще теплилась тайная надежда (въ которой онъ самъ себѣ едва могъ признаться), что, можетъ быть, вдругъ какъ-нибудь да и разъяснится предъ нимъ все это, что такъ мучитъ его. Но вмѣсто разъясненія всего, ему пришлось удовольствоваться сознаніемъ, что опытный въ духовной жизни старецъ пронизалъ его своимъ душезрѣніемъ насквозь.

— Въ васъ этотъ вопросъ не рѣшенъ,—участливо замѣтилъ ему старецъ Зосима,— и въ этомъ ваше великое горе, ибо настоятельно требуетъ разрѣшенія.

— А можетъ ли онъ быть во мнѣ рѣшенъ? рѣшенъ въ сторону положительную?—поинтересовался Иванъ Ѳедоровичъ.

— Если не можетъ рѣшиться въ положительную, то никогда не рѣшится и въ отрицательную,—сами знаете это свойство вашего сердца; и въ этомъ вся мука его... Но благодарите Творца,—добавилъ старецъ,—что далъ вамъ сердце высшее, способное такою мукой мучиться...

Старецъ точно опредѣлилъ суть психическихъ переживаній Ивана Карамазова; послѣдній, дѣйствительно, носилъ въ душѣ своей муку, которая состояла въ потребности разрѣшить, такъ называемые, „проклятые“ вопросы—при сознаніи, что они нерѣшимы для него, человѣка съ „эвклидовскимъ“ складомъ ума. Старецъ могъ бы добавить, что тутъ однимъ умомъ вообще ничего не подѣлаешь; тутъ можетъ помочь только сердце и воля... Впрочемъ, онъ и сказалъ это, но какъ-то прикровенно, такъ что Иванъ не уловилъ значенія этой мысли.

— Дай вамъ Богъ,—заключилъ Зосима благопожеланіемъ собесѣднику,—чтобы рѣшеніе сердца вашего постигло васъ еще на землѣ...

У человѣка, носящаго въ сердцѣ своемъ горе, есть потребность раздѣлить его съ близкимъ человѣкомъ, высказаться, выплакать, какъ говорится, свое горе. Натуры гордыя обыкновенно противятся этому, замыкаются въ себя и страдаютъ отъ этого вдвойнѣ. Долго крѣпился Иванъ, но не выдержалъ, наконецъ, и раскрылъ свою душу брату Алешѣ, при чемъ признался въ затаенной своей надеждѣ на возможность „исцѣленія“ себя отъ атеизма и соединеннаго съ нимъ отчаянія.

— Братишка ты мой!—сказалъ Иванъ: не тебя я хочу развратить и сдвинуть съ твоего устоя, я, можетъ быть, себя хотѣлъ бы исцѣлить тобою,—и улыбнулся вдругъ Иванъ совсѣмъ какъ маленькій кроткій мальчикъ. Никогда Алеша не видалъ у него такой улыбки.

— Я смиренно сознаюсь,—и Алеша чувствовалъ, что это есть какъ бы исповѣдь, —что у меня нѣтъ никакихъ способностей разрѣшать такіе вопросы,—у меня умъ эвклидовскій, земной, а потому гдѣ намъ рѣшать о томъ, что не отъ міра сего... пуще всего насчетъ Бога: есть ли Онъ, или нѣтъ?... Все это вопросы, совершенно несвойственные уму, созданному съ понятіемъ о трехъ измѣреніяхъ...

Иванъ, скрѣпя сердце, мирится съ положеніемъ агностика, какъ съ положеніемъ вполнѣ естественнымъ, нормальнымъ, такъ сказать, но вотъ что онъ никакъ не соглашается принять: „міра этого Божьяго“...

— Я не Бога не принимаю, пойми ты это,—я міра,

Имъ созданнаго, не принимаю и не могу согласиться принять... Вотъ моя суть, Алеша, вотъ мой тезисъ".

Въ чемъ же, собственно, сущность этого тезиса и каково его основаніе? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ является удивительная по глубинѣ и оригинальности мысли глава въ романѣ, подъ заглавіемъ „Бунтъ". Это, дѣйствительно, бунтъ—дерзновеннѣйшее возстаніе человѣка противъ Бога во имя... чувства правды, во имя высшаго нравственнаго начала, живущаго въ человѣкѣ!

Раскрывая предъ Алешей, въ задушевнѣйшей съ нимъ бесѣдѣ, свою душу, алчущую правды и смысла, Иванъ дѣлаетъ одно, очень важное, признаніе: онъ, оказывается, „никогда не могъ понять, какъ можно любить своихъ ближнихъ... Чтобы полюбить человѣка, надо, чтобы тотъ спрятался, а чуть лишь покажетъ лицо свое—пропала любовь". „По-моему,—говорилъ Иванъ,—Христова любовь къ людямъ есть въ своемъ родѣ невозможное на землѣ чудо. Правда, Онъ былъ Богъ. Но мы-то не боги... Отвлеченно еще можно любить ближняго и даже иногда издали, но вблизи почти никогда". Для дѣтей однихъ онъ дѣлаетъ исключеніе. „Дѣтокъ,—по его мнѣнію—можно любить даже и вблизи, даже и грязныхъ, даже дурныхъ лицомъ (мнѣ однако кажется, признается Иванъ, что дѣтки никогда не бываютъ дурны лицомъ)". Онъ находитъ, что взрослые и дѣти это—какъ бы двѣ совершенно разныя породы людей: низшая и высшая. Первую (взрослыхъ) онъ положительно ненавидитъ: на всякую гадость, на всякую подлость, низость, на страшную жестокость, далеко превосходящую „звѣрство", часто бываютъ способны люди.—„Я думаю,—говоритъ Иванъ,—что если дьяволъ не существуетъ и, стало быть, создалъ его человѣкъ, то создалъ онъ его по своему образу и подобію"... Иное дѣло дѣти. Ихъ онъ любитъ: „ужасно люблю дѣточекъ", признается Иванъ: „дѣти, пока дѣти, до семи лѣтъ, напримѣръ, страшно отстоятъ отъ людей—совсѣмъ будто другое существо и съ другою природой"...

Ивана гложетъ мысль о ненужности, о безцѣльности, безсмысленности человѣческихъ страданій и больше всего—страданій дѣтей, которыхъ онъ такъ любитъ. До нѣкоторой степени, впрочемъ, онъ какъ бы готовъ

примириться со страданіями большихъ: „они отвратительны и любви не заслуживаютъ, у нихъ есть и возмездіе“: они „яблоко съѣли, и чортъ съ ними!“ „Но дѣточки ничего не съѣли и пока еще ни въ чемъ невиновны“. За что же, почему, зачѣмъ и они страдаютъ?— „Если они на землѣ тоже ужасно страдаютъ, то ужъ, конечно, за отцовъ своихъ, наказаны за отцовъ своихъ, съѣвшихъ яблоко; но вѣдь это разсужденіе изъ другого міра, сердцу же человѣческому здѣсь на землѣ не понятное: нельзя страдать неповинному за другого, да еще такому неповинному!“ убѣжденно говоритъ Иванъ.

Страшные факты дѣтоистязанія, о которыхъ онъ разсказываетъ Алешѣ, вопіютъ о возмездіи. Но, допустимъ, возмездіе есть: частью было уже, частью будетъ— и даже полностью. Въ этомъ ли истина? и есть ли въ этомъ гармонія? Иванъ Карамазовъ такую истину и такую гармонію отрицаетъ. Искупленіе дѣтскихъ слезъ и мукъ невозможно.—„Чѣмъ, чѣмъ ты искупишь ихъ?—безнадежно спрашиваетъ онъ:—развѣ это возможно? Неужто тѣмъ, что они будутъ отомщены? Но зачѣмъ мнѣ ихъ отмщеніе, зачѣмъ мнѣ адъ для мучителей, что тутъ адъ можетъ поправить, когда тѣ ужъ замучены? И какая же гармонія (въ концѣ концовъ), если адъ? Я простить хочу, я обнять хочу, я не хочу, чтобъ страдали больше. И если страданія дѣтей пошли на пополненіе той суммы страданій, которая необходимо была для покупки истины, то я утверждаю заранѣе, что вся истина не стоитъ такой цѣны“.

Гармонія, покоющаяся на слезахъ и крови беззащитныхъ, замученныхъ жертвъ,—абсурдъ для Ивана.

Прощеніе въ данномъ случаѣ не можетъ служить рѣшеніемъ вопроса. Мать „не имѣетъ права простить, не смѣетъ простить мучителя“, затравившаго ея ребенка псами, „хотя бы самъ ребенокъ простилъ ему“. Никто не можетъ прощать за другихъ. „Есть ли во всемъ мірѣ существо, которое могло бы и имѣло право простить?“—задаетъ Иванъ вопросъ, давно ужъ рѣшенный имъ въ отрицательномъ смыслѣ.

Въ концѣ концовъ Иванъ Карамазовъ предпочитаетъ остаться „при неотомщенномъ страданіи своемъ и неутоленномъ негодованіи“, „хотя бы (онъ) былъ и

не правъ". Для него неутѣшительно быть участникомъ финальной гармоніи, когда, допустимъ, „все объяснится", и „всѣ вдругъ узнаютъ, для чего все такъ было", и „когда все на небѣ и подъ землею сольется въ одинъ хвалебный гласъ и все живое и жившее воскликнетъ: „Правъ ты, Господи, ибо открылись пути Твои!" Не хочетъ онъ восклицать этого вмѣстѣ съ другими тогда, не хочетъ видѣть, какъ „мать обнимается съ мучителемъ, растерзавшимъ псами сына ея, и всѣ трое возгласятъ со слезами: „Правъ ты, Господи!" Не можетъ онъ этого принять, а потому, пока еще время, спѣшитъ оградить себя, и отъ высшей гармоніи совершенно отказывается. „Да и слишкомъ дорого—замѣчаетъ онъ—оцѣнили гармонію, не по карману нашему вовсе столько платить за входъ; а потому свой билетъ на входъ спѣшу возвратить обратно... Не Бога я не принимаю, Алеша, а только билетъ Ему почтительнѣйше возвращаю".

Дальше этого, дѣйствительно, едва ли возможно идти въ атеизмѣ и отрицаніи. „Сила атеистическихъ выраженій" здѣсь такова, что ей противостоять можетъ только одна вѣра. Ее, вѣру, и пытается противопоставить Алеша, надѣясь спасти своего брата.

— Братъ! — проговорилъ вдругъ съ засверкавшими глазами Алеша: ты сказалъ: есть ли во всемъ мірѣ Существо, Которое могло бы и имѣло право простить? Но Существо это есть, и Оно можетъ все простить, всѣхъ и вся и за все, потому что Само отдало неповинную кровь Свою за всѣхъ и за все. Ты забылъ о Немъ, а на Немъ-то и созиждется зданіе и это Ему воскликнутъ: „Правъ Ты, Господи, ибо открылись пути Твои"...

— „А, это — „Единый безгрѣшный" и Его кровь! Нѣтъ, не забылъ о Немъ и удивлялся, напротивъ, все время, какъ ты Его долго не выводишь, ибо обыкновенно въ спорахъ всѣ ваши Его выставляютъ прежде всего"... Горечь слышится въ этихъ словахъ Ивана: все это-де и безъ тебя мнѣ давно извѣстно. И предлагаетъ онъ брату, какъ бы въ отвѣтъ на его горячую рѣчь объ Искупителѣ, прослушать сочиненную имъ легенду подъ названіемъ „Великій Инквизиторъ".

Дивная, бездонно глубокая это легенда, и смыслъ ея тотъ, что Иванъ не принимаетъ Искупителя, созна-

тельно не хочетъ принять. Пусть Онъ Богъ, Совершеннѣйшее Существо, Ивану отъ этого не легче: зло и неправда безпрепятственно разливаются по землѣ, до такой степени безпрепятственно, что и Самого Христа, когда Онъ однажды, въ средніе вѣка, снова появился среди людей (такъ говорится въ легендѣ), появился благодѣющій, исцѣляющій, утѣшающій, какъ и тогда — въ первый разъ, Его схватили и заключили въ тюрьму. Даже Самого Себя изгонять не препятствуетъ Онъ людямъ, не говоря уже о томъ, что Онъ не препятствуетъ имъ жить безбожно, по принципу „все позволено", и мучить—даже неповинныхъ ни въ чемъ дѣтей, — и убивать — даже, будто бы, во Имя Его (костры инквизиціи)! Такое попустительство со стороны Христа Ивану представляется абсурдомъ, котораго онъ не перевариваетъ. Выходитъ такъ, съ точки зрѣнія Ивана, что фактически, на практикѣ атеистическій принципъ „все позволено" осуществляется и вопреки Высшему, Совершеннѣйшему Существу и въ то же время съ Его вѣдома и позволенія, иначе Оно воспрепятствовало бы проведенію въ жизнь этого ужаснаго принципа. Выходитъ, что человѣкъ поборолъ Бога, и —что всего страшнѣе — поборолъ и во имя низменной стороны своего „я", не желая, да и не будучи въ состояніи жить по-божески, и во имя высшаго въ себѣ начала—во имя любви къ человѣчеству: Инквизиторъ не одною физической силой удалилъ Христа отъ своихъ христіанъ, онъ упросилъ Его, можетъ быть, убѣдилъ даже уйти отъ нихъ... навсегда. — Можно ли принять такого Искупителя? Много ли въ Немъ утѣшенія? — какъ бы спрашиваетъ Иванъ этой своей легендой.

Въ высокой степени интересны въ этой легендѣ упреки и обвиненія, съ которыми обращается Великій Инквизиторъ къ Христу. Искупитель, по мнѣнію Великаго Инквизитора, ошибся въ людяхъ, переоцѣнивъ ихъ — слабосильныхъ, жалкихъ, слишкомъ любящихъ землю; имъ не по плечу идеалъ, данный Христомъ; ту высокую духовную свободу, которую Онъ возвѣстилъ людямъ и которая заключается въ свободѣ отъ грѣха — въ подвигахъ крестоношенія, самоусовершенствованія и любви, они охотно, даже радостно, промѣняютъ

на самое пошленькое счастье, на рабство даже, лишь бы быть сытыми, лишь бы избѣгнуть страданій, лишь бы не совершать никакихъ подвиговъ самоограниченія. „Видишь ли сіи камни въ этой нагой и раскаленной пустынѣ?“ — передаетъ рѣчь дьявола Христу своими словами Инквизиторъ; „обрати ихъ въ хлѣбъ, и за Тобой побѣжитъ человѣчество, какъ стадо, благодарное и послушное, хотя и вѣчно трепещущее, что Ты отымешь руку Свою, и прекратятся имъ хлѣбы Твои. Но ты не захотѣлъ лишить человѣка свободы и отвергъ предложеніе, ибо какая свобода, разсудилъ Ты, если послушаніе куплено хлѣбами. Ты возразилъ, что человѣкъ живъ не единымъ хлѣбомъ“.

Человѣкъ слабъ и убогъ; недоступно ему знаніе, осмысленіе сущаго и самого себя, но и вѣра, настоящая, цѣнная вѣра также недоступна ему: онъ можетъ повѣрить только черезъ чудо и изъ-за чуда, а „Ты отвергъ чудо“, — продолжаетъ упрекать Христа Инквизиторъ. „Но такъ ли создана природа человѣческая, чтобы отвергнуть чудо, и въ страшные моменты жизни, въ моменты самыхъ страшныхъ, основныхъ и мучительныхъ душевныхъ вопросовъ своихъ оставаться лишь съ свободнымъ рѣшеніемъ сердца? — Нѣтъ. Лишь человѣкъ отвергнетъ чудо, то тотчасъ отвергнетъ и Бога, ибо человѣкъ ищетъ не столько Бога, сколько чудесъ. И такъ какъ человѣкъ оставаться безъ чуда не въ силахъ, то насоздаетъ себѣ новыхъ чудесъ, уже собственныхъ, и поклонится уже знахарскому чуду, бабьему колдовству... Мы исправили подвигъ Твой и основали его на чудѣ, тайнѣ и авторитетѣ“.

На всѣ упреки, которые дѣлаетъ Инквизиторъ Христу, Христосъ молчитъ. Молчитъ Онъ и въ концѣ легенды, когда Инквизиторъ приговариваетъ Его къ сожженію (одинъ проектъ конца легенды), молчитъ и тогда, когда Инквизиторъ отпускаетъ Его на волю (другой проектъ конца), и только проситъ Его не приходить болѣе на землю, не приходить совсѣмъ, никогда... Христосъ уходитъ, молча поцѣловавъ старика „въ его безкровныя девяностолѣтнія уста“.

Легенда оставляетъ въ нѣкоторыхъ читателяхъ такое впечатлѣніе, что правда-то, какъ будто, на сторонѣ Великаго Инквизитора. Другіе же, болѣе чуткіе въ

вопросахъ высшаго порядка, выносятъ изъ той же легенды иное впечатлѣніе: побѣжденъ мнимый побѣдитель — Инквизиторъ; поцѣлуй Христа въ его „безкровныя девяностолѣтнія уста“ это—поцѣлуй жалости къ несчастному, жалости Великаго Мірового Сердца, не желающаго стѣснять ничью свободу— даже свободу Инквизитора, сознательно обманывающаго свою многомилліонную паству и берущаго на себя одного тяготу страшной тайны. Это отнюдь на одобреніе и не похвала Инквизитору со стороны Христа. И Инквизиторъ это чувствуетъ, почему и является лицомъ страдающимъ, трагически страдающимъ. „Онъ нѣкоторое время ждетъ, что Плѣнникъ ему отвѣтитъ. Ему тяжело Его молчаніе. Старику хотѣлось бы, чтобы Тотъ сказалъ ему что-нибудь, хотя бы и горькое, страшное“. Но Онъ молчитъ... Что, да и зачѣмъ Ему говорить, когда человѣкъ твердо рѣшилъ идти своимъ путемъ, на собственный страхъ? И не сказалъ ли Христосъ все, что надо людямъ, уже много, много вѣковъ тому назадъ и что Инквизитору, конечно, до тонкости все извѣстно? Почему онъ не довольствуется этимъ и ждетъ какъ будто чего-то иного? Но развѣ можетъ быть иное?..

— Инквизиторъ твой не вѣруетъ въ Бога, вотъ и весь его секретъ! догадался Алеша.

— „Хоть бы и такъ, — отозвался Иванъ: и дѣйствительно такъ, дѣйствительно только въ этомъ и весь секретъ; но развѣ это не страданіе хотя бы для такого, какъ онъ, человѣка, который всю жизнь свою убилъ на подвигъ въ пустынѣ и не излѣчился отъ любви къ человѣчеству? На закатѣ дней своихъ онъ убѣждается ясно, что лишь совѣты великаго страшнаго духа могли бы хоть сколько-нибудь устроить въ сносномъ порядкѣ“ людей—этихъ „малосильныхъ бунтовщиковъ“, „недодѣланныя пробныя существа, созданныя въ насмѣшку“. Инквизиторъ рѣшается устроить людей на землѣ — по-земному, сообразно ихъ жалкой, слишкомъ низкопробной природѣ; стадо двуногихъ будетъ счастливо: никто не будетъ заставлять ихъ прыгать выше головы,— будутъ себѣ весело попрыгивать, какъ козлики на весеннемъ лужку, радуясь, что такъ легко и удобно жить на свѣтѣ... „Мы дадимъ имъ тихое, смиренное

счастье, счастье слабосильныхъ существъ, какими они и созданы... Мы докажемъ имъ, что они только жалкія дѣти, но что дѣтское счастье слаще всякаго... Мы разрѣшимъ имъ и грѣхъ: они слабы и безсильны... Наказаніе же за эти грѣхи, такъ и быть, возьмемъ на себя... И они будутъ намъ покоряться съ весельемъ и радостью. И всѣ будутъ счастливы, всѣ милліоны существъ, кромѣ... управляющихъ ими. Ибо лишь мы, хранящіе тайну, только мы будемъ несчастны... Тихо умрутъ они, тихо угаснутъ во имя Твое, и за гробомъ обрящутъ лишь смерть. Но мы сохранимъ секретъ, и для ихъ же счастія будемъ манить ихъ наградой небесною и вѣчной. Ибо, если бъ и было что на томъ свѣтѣ, то, ужъ, конечно, не для такихъ, какъ они". Великій Инквизиторъ не боится Страшнаго Суда, если онъ будетъ („говорятъ и пророчествуютъ, что Ты придешь"...): мы, взявшіе грѣхи ихъ, для счастья ихъ, мы станемъ предъ Тобой и скажемъ: „Суди насъ, если можешь и смѣешь"...

Въ сложной фигурѣ Инквизитора мы находимъ три главныхъ элемента: невѣріе, человѣколюбіе и страданіе. Изъ этихъ трехъ, такъ сказать, составныхъ частей его Алешѣ болѣе всего бросилось въ глаза невѣріе, Иванъ же выдвигаетъ на первый планъ страданіе и человѣколюбіе. Для Ивана, по его собственному признанію, суть дѣла не въ томъ, есть ли Богъ или нѣтъ, а въ томъ, что если бы и былъ Онъ, это не мѣняетъ положенія дѣла—даже тѣмъ хуже, если Богъ есть: такого Бога, такъ дурно устроившаго міръ и въ частности человѣчество, ему не надо, и онъ заранѣе отказывается отъ участія въ конечной гармоніи. Также и Инквизиторъ: онъ увѣренно говоритъ, что люди „за гробомъ обрящутъ лишь смерть", но если бъ, вопреки ожиданію, вышло иное, онъ готовъ дать дерзкій отвѣтъ, который, по его глубокому убѣжденію, долженъ обезоружить Судію: „Суди, если можешь и смѣешь!"... — На первый взглядъ можетъ показаться, что отрицаніе Бога, или, скорѣе, отказъ отъ Бога, является здѣсь слѣдствіемъ особенной нравственной высоты и чуткости. Но это лишь обманъ зрѣнія. Въ дѣйствительности же, вся суть и вся бѣда ихъ („весь секретъ") не въ этой высотѣ (которой и нѣтъ на самомъ дѣлѣ) и чуткости, а именно въ невѣріи,

Алеша угадалъ... Психологически невозможно, чтобы вѣрующій (не кажущійся только вѣрующимъ), да еще съ богатымъ, горячо любящимъ правду сердцемъ, могъ стать невѣрующимъ, атеистомъ—„изъ-за любви къ человѣчеству"; совершенно немыслимо, чтобы истинно, т. е. глубоко, вѣрующій человѣкъ, оставаясь вѣрующимъ, вдругъ, (или не вдругъ—постепенно,—все равно) какъ бы прозрѣлъ, воспылавъ негодованіемъ на Того, Кто столь не по правдѣ создалъ міръ и имъ управляетъ. Такое превращеніе невозможно. Если же кто-нибудь сталъ бы увѣрять, что возможно и что были такіе-то и такіе-то факты (Добролюбовъ, напримѣръ), когда горячо вѣрующіе люди превращались въ атеистовъ, то мы должны въ такихъ фактахъ усматривать перевѣсъ головы надъ сердцемъ, мысли надъ чувствомъ — это иное дѣло. Такіе люди просто не вѣрятъ въ Бога, т. е. не признаютъ, отрицаютъ Его личное существованіе, а вмѣстѣ съ этимъ и безсмертіе души, отрицаютъ не во имя нравственнаго начала, а во имя разума, познанія; имъ и кажется поэтому въ такихъ случаяхъ, что они именно „поумнѣли". Правда, при этомъ они испытываютъ и чувство нѣкоторой гордости—теперь они могутъ на многихъ и на многое смотрѣть сверху внизъ (у вѣрующаго не могло быть этого чувства), но это уже потомъ—послѣ атеизма, а не предъ.

Съ Иваномъ дѣло обстоитъ иначе. Онъ никогда не былъ вѣрующимъ, и несмотря на искреннѣйшее свое алканіе правды и смысла, только жонглировалъ великими словами: Богъ, міръ, человѣчество, истина, гармонія, Искупитель... Онъ упражнялся самымъ добросовѣстнымъ образомъ въ сочетаніи и раздѣленіи великихъ словъ, искренно думая, что дѣлаетъ именно то, что съ его высшей точки зрѣнія и надо дѣлать ему, человѣку, стоящему выше „стада". Сознаніе, что онъ достигъ такихъ вершинъ нравственнаго, наиболѣе имъ цѣнимаго, — вершинъ такой свободы во имя правды, что и самого Бога можетъ судить, и не соглашаться съ Нимъ, и отвергать Его, наполняетъ душу его какою-то особенной, сверхчеловѣческой гордостью. Отсюда это высокомѣрное „Сади насъ, если можешь и смѣешь"—у его Инквизитора, отсюда и яко бы „почти-

тельнѣйшее“ „возвращеніе билета“ — у самого Ивана Карамазова.

Мы рѣшительно отказываемся повѣрить Ивану въ томъ, что его „возвращеніе билета“, уклоненіе отъ участія въ конечной гармоніи, непринятіе Бога, словомъ— его невѣріе, атеизмъ есть результатъ его высшей нравственной чуткости. Не могутъ плевелы эти вырости на моральной почвѣ. Горделивое поставленіе себя рядомъ съ Богомъ—даже выше Бога, судъ надъ Творцомъ и Промыслителемъ это—не моральное, а глубоко иммо-ральное явленіе, естественно, влекущее за собою, какъ неизбѣжный результатъ, страданіе, которое только отчасти покрывается гордостью (гордость, какъ извѣстно, пріятное чувство). Страданіе, то-тоскующее, ноющее, безпросвѣтное, и есть въ данномъ случаѣ вѣрный показатель того, что человѣкъ сбился, своротилъ съ нравственнаго пути, уклонился въ сторону отъ истины, какъ бы ему самому ни казалось, что онъ никуда не сворачивалъ и не сбивался.

Иванъ Карамазовъ прежде всего—человѣкъ невѣрующій, атеистъ, все же остальное: непринятіе „міра Божьяго“, отказъ отъ гармоніи и, слѣдовательно, отъ самого Бога,—это только приложеніе къ атеизму, хотя Ивану и кажется обратное („Не Бога я не принимаю“, и т. д.). Кажется же ему это обратнымъ (сначала, дескать, критика міропорядка, а затѣмъ уже отреченіе отъ всякой солидарности съ Богомъ, атеизмъ) только потому, что онъ не зналъ, не испыталъ, что значитъ имѣть вѣру въ Бога, дѣйствительно принять Бога. Поэтому его фраза (повторяемая имъ нѣсколько разъ): „Я не Бога не принимаю“, т. е. Бога-то я хотя бы и принялъ, все едино—будто бы—выходитъ—фраза его есть лишь игра, жонглированіе словами *). Выражаясь по-просту, по-народному, иное бы онъ „запѣлъ“, если бы вдругъ какъ-нибудь

*) Что это именно такъ, т. е., что Иванъ былъ человѣкъ невѣрующій, атеистъ, въ этомъ не оставляютъ никакого сомнѣнія слѣдующія строки въ романѣ.—„Иванъ, говори: есть Богъ или нѣтъ?— спрашиваетъ Ѳедоръ Павловичъ,—навѣрно говори, серьезно говори.

— Нѣту, нѣту Бога.

— Алешка, есть Богъ?

— Есть Богъ.

убѣдился въ существованіи личнаго Бога и личномъ безсмертіи; высокомѣрныя слова замерли бы на его губахъ (—билетъ-то свой, во всякомъ случаѣ, попридержалъ бы)—не изъ одного страха предъ Высочайшимъ Существомъ: его сознаніе, какъ молнія, пронизала бы мысль, что высшее, окончательное пониманіе сущаго, а слѣдовательно, и мысль страданій неповинныхъ, принадлежитъ Ему, Высочайшему Существу, и тягаться съ Нимъ человѣку нелѣпо, какъ нелѣпо было бы водяной капелькѣ, отражающей въ себѣ частицу лучей солнца, вообразить, что она не просто капелька, какъ другія, а что-то такое большое и самодовлѣющее, что даже и не желаетъ имѣть съ солнцемъ ничего общаго: къ тому же это солнце только печетъ и сушитъ нестерпимо...

Но Иванъ Карамазовъ не былъ убѣжденъ въ существованіи Бога (равно и въ несуществованіи), хотя все время онъ былъ очень близокъ къ признанію Его—и именно на нравственной почвѣ. Въ самомъ дѣлѣ, вся его задушевная бесѣда съ Алешей, всѣ эти страшные факты дѣтоистязанія, о которыхъ онъ говоритъ съ такою болью сердца,—все это есть его самое искреннее и рѣшительное отрицаніе—какъ неправды—атеистическаго принципа „все позволено", отрицаніе во имя той высшей правды, что „не все позволено". Если нѣтъ Бога, то правда, по ходу мысли Ивана, заключается въ томъ, что „все позволено", все нормально, потому что все естественно. Если нѣтъ Бога, можно мучить кого угодно—даже дѣтей. Но вотъ Иванъ самымъ рѣшительнымъ образомъ утверждаетъ, что нельзя мучить дѣтей,

---

— Иванъ, а безсмертіе есть? ну, тамъ какое-нибудь, ну хоть маленькое, малюсенькое?

— Нѣтъ и безсмертія.

— Никакого?

— Никакого.

— Алешка, есть безсмертіе?

— Есть.

...Иванъ! въ послѣдній разъ и рѣшительно: есть Богъ или нѣтъ? Я въ послѣдній разъ!

— И въ послѣдній разъ нѣтъ".

Правда, Иванъ потомъ увѣрялъ Алешу, что *такъ* отвѣчалъ онъ отцу „нарочно"—для Алеши: „тебя этимъ нарочно дразнилъ"... Пусть это и „нарочно", „не въ серьезъ", но такія рѣчи абсолютно немыслимы въ устахъ *вѣрующаго*.

слѣдовательно, отказывается отъ безбожнаго принципа „все позволено“. Иванъ былъ убѣжденъ, что этотъ принципъ есть законъ человѣка, какъ сына земли. Но откуда другой законъ, противоположный этому? Откуда „не все позволено?“ Если то—законъ человѣка, то это уже—законъ не человѣка; это уже голосъ не съ земли, а съ неба—голосъ Бога; слѣдовательно, Богъ есть, и Его законъ мнѣ дороже, чѣмъ законъ человѣческій. Такъ, несомнѣнно, долженъ былъ думать Иванъ Карамазовъ, отрицающій принципъ атеизма, но не желающій въ то же время принять Бога.

Подойдя такъ близко къ Богу, отвергнувъ атеистическій принципъ во имя теистическаго, почему же Иванъ отказывается отъ самаго Источника послѣдняго принципа, отъ единенія съ нимъ („возвращаю билетъ свой“)? Если все то, что онъ говоритъ въ обоснованіе своего отрицательнаго отношенія къ Богу, къ праву своему „на входъ“, въ нашихъ глазахъ есть продуктъ бывшаго уже невѣрія, а не наоборотъ, то естественно спросить: въ чемъ же заключается причина самаго невѣрія Ивана? на чемъ коренится и такъ упрочилось оно?

Какъ бы ни были разнообразны причины невѣрія, атеизма, всѣ онѣ размѣщаются по слѣдующимъ тремъ категоріямъ:

I. Глупость человѣческая—самая обыкновенная, самая прозаическая глупость, называемая иногда тупоуміемъ, недалекостью, малоспособностью и т. п. Какое-нибудь ничтожество въ умственномъ отношеніи, бездарнѣйшее и поверхностнѣйшее существо, неспособное логически связать двѣ-три мысли, „отрицаетъ“, „не признаетъ“ существованіе Бога не въ силу какихъ-либо серьезныхъ доводовъ, а просто потому, что ему кажется пріятно побыть безъ Бога, Который связываетъ его Своими заповѣдями, нравственнымъ долгомъ. „Всѣ умные люди теперь не вѣрятъ въ Бога“—вотъ самый основательный для него аргументъ. Это самый жалкій видъ невѣрія. Тутъ что-то даже не человѣческое, а обезьянье скорѣе.

II. Заблужденіе, ошибка ума человѣка, судящаго о Богѣ по аналогіи съ собой. Наблюдая, что психическія переживанія всякій разъ связываются съ из-

вѣстными физіологическими процессами, дѣлаютъ отсюда логически несостоятельный выводъ, что иначе и невозможно: умъ, чувство, воля могутъ функціонировать только въ связи съ нервной организаціей; у Бога этой организаціи нѣтъ (говорятъ, что Онъ—Духъ), слѣдовательно, нѣтъ и переживаній или, что то же, проявленій ума, чувства и воли, т. е. нѣтъ личности Бога. Ошибка у атеистовъ этой категоріи, опирающихся, повидимому, на твердую почву логики, состоитъ въ томъ, что они знаютъ, что Богъ не существуетъ, т. е. знаютъ то, чего никто не знаетъ (какъ можно знать несуществующее и никогда не бывшее?..). Есть тутъ и другая, не замѣчаемая ими ошибка: считая душевныя явленія и самую душу—духъ функціей нервной системы, они тѣмъ самымъ должны признать, что, стало-быть, сначала былъ органъ, нервная система, а потомъ ужъ получилась его функція - мысль, чувство. Признавъ же это, онѣ впадаютъ въ противорѣчіе съ самыми прочными выводами естествознанія, которое говоритъ, что органы у живыхъ существъ появлялись и развивались вслѣдствіе чувства самосохраненія, стремленія къ приспособленію, т. е. говоря иначе—сначала было нѣчто живое и хотѣвшее жить, а потомъ уже появилась и нервная организація, организмъ. Живое, жизнь, живущее возможно, значитъ, и безъ органовъ, составляющихъ въ общей сложности организмъ, т. е. возможно безъ организма. Въ какомъ видѣ, формѣ, возможна жизнь до (безъ) органовъ и организма—это вопросъ уже особый.

III. Ожесточеніе сердца и гордость. Это бываетъ нерѣдко съ людьми загнанными, забитыми, испытавшими холодъ людского безучастія, или же съ людьми, оскорбленными въ лучшихъ своихъ чувствахъ. Тутъ вся суть въ настроеніи, при которомъ „рѣшительно все равно“—есть ли Богъ, нѣтъ ли; не желаютъ они думать о Богѣ, Который не вступается за обижаемыхъ, за обездоленныхъ и несчастныхъ, не удерживаетъ злодѣевъ и не предотвращаетъ бѣдствій. Тутъ сердце ранено обидой. Тутъ иногда „міровая скорбь“. Вотъ къ этой послѣдней категоріи и должны мы отнести невѣріе Ивана Карамазова. Алеша такъ опредѣлилъ „болѣзнь“ брата: „Муки гордаго рѣшенія, глубокая совѣсть. Богъ,

Которому онъ не вѣрилъ, и правда Его одолѣвали сердце, все еще не хотѣвшее подчиниться". Діагнозъ вѣрный, нисколько, однако, не противорѣчащій нашей увѣренности въ томъ, что все же не въ нравственной высотѣ и чуткости здѣсь дѣло, не въ этомъ причина: ожесточеніе сердца (даже до ненависти и злобы) не есть еще нравственная высота и чуткость. Послѣдняя говоритъ, что человѣкъ—вѣнецъ творенія, что въ человѣкѣ—образъ Божій, хотя и затемняемый часто, что людей любить надо, жалѣть надо. Ожесточенное гордое сердце говоритъ иное: „люди отвратительны и любви не заслуживаютъ"—(слова Ивана Карамазова). До какой степени велико было его ожесточеніе, показываютъ слѣдующія его слова: „не то было бы дивно, что Богъ въ самомъ дѣлѣ существуетъ, но то дивно, что такая мысль—мысль о необходимости Бога—могла залѣзть въ голову такому дикому и злому животному, каковъ человѣкъ..."

Столь страшное ожесточеніе, со злобою, съ ненавистью къ человѣку, несовмѣстимо съ вѣрой въ Бога, Который есть Любовь — любовь по-преимуществу и наиглавнѣйше („Богъ любы есть"). Вотъ причина, отдалявшая Ивана отъ Бога.

Подобная причина можетъ быть какъ очень прочною, стойкою, такъ и легко устранимою,—все зависитъ отъ того, въ прежнихъ ли условіяхъ будетъ протекать дальнѣйшая жизнь человѣка или въ иныхъ—въ смягченныхъ и лучшихъ. Подъ вліяніемъ измѣнившихся условій жизни, при потокѣ новыхъ — свѣтлыхъ, радостныхъ впечатлѣній, можетъ весьма легко и даже скоро растаять ожесточенное сердце, и если человѣкъ не представляетъ собою просто двуногое животное, если онъ—человѣкъ въ настоящемъ смыслѣ слова, то „исцѣленіе" близко.

Насколько можно судить по ходу романа, для Ивана Карамазова такого выхода не предвидѣлось. Но какъ же можно жить съ такимъ „адомъ внутри", какъ у этого атеиста? Что удерживаетъ его къ жизни, въ которой онъ не находитъ ни счастья, ни смысла? Помимо маленькой надежды на „исцѣленіе", о чемъ мы уже знаемъ, вотъ его признаніе на этотъ счетъ: „Не вѣруй я въ жизнь, разувѣрься я въ женщинѣ, разувѣрься въ порядкѣ вещей, убѣдись даже, что все, напротивъ,

безпорядочный, проклятый и, можетъ быть, бѣсовскій хаосъ, порази меня хоть всѣ ужасы человѣческаго разочарованія, а я все-такизахочу жить... Пусть я не вѣрю въ порядокъ вещей, но дороги мнѣ клейкіе, распускающіеся весной листочки, дорого небо, дорогъ иной человѣкъ... Тутъ не умъ, не логика, тутъ нутромъ, тутъ чревомъ любишь".

Итакъ, чисто стихійная, прирожденная человѣку жажда жизни — вотъ пока оправданіе жизни Ивана въ его собственныхъ глазахъ. Пока... А дальше? дальше можно и такъ сдѣлать, что не будешь жить.

„Мнѣ бы только до тридцати лѣтъ дотянуть, а тамъ — кубокъ объ полъ!" — прибавилъ онъ: „тамъ ужъ самъ не захочу, мнѣ такъ кажется"..,

Къ немалому удивленію Ивана, оказалось, что Алеша понимаетъ и раздѣляетъ съ нимъ эту естественную жажду жизни,—болѣе даже: ею, этимъ инстинктивнымъ желаніемъ жить, онъ готовъ обусловить пониманіе самаго смысла жизни.

— Я думаю,—отвѣчаетъ онъ брату,—что всѣ должны прежде всего на свѣтѣ жизнь полюбить.

— Жизнь полюбить больше, чѣмъ смыслъ ея?! — Какъ бы не вѣритъ своимъ ушамъ Иванъ: такъ привыкъ онъ считать осмысленіе факта, явленія за нѣчто болѣе важное и нужное, чѣмъ самый фактъ.

— Непремѣнно такъ, — отвѣтилъ Алеша (а въ его лицѣ и самъ Достоевскій): — полюбить прежде логики, какъ ты говоришь, непремѣнно чтобы прежде логики, и тогда только я и смыслъ пойму. Вотъ что мнѣ давно уже мерещится. Половина твоего дѣла сдѣлана, Иванъ, и пріобрѣтена: ты жить любишь. Теперь надо постараться тебѣ о второй твоей половинѣ, и ты спасенъ.

— А въ чемъ она—вторая твоя половина? —полюбопытствовалъ тотъ.

— Въ томъ, что надо воскресить твоихъ мертвецовъ, которые, можетъ быть, никогда и не умирали, — отвѣтилъ Алеша.

Подъ „мертвецами" онъ разумѣлъ, конечно, тяготѣніе къ Богу, потребность вѣры, любовь къ людямъ (не къ дѣтямъ только), чего не ощущалъ въ своей душѣ Иванъ, но что въ немъ несомнѣнно жило, только подъ

другимъ видомъ—подъ именемъ жажды истины, справедливости, идеала,—подъ видомъ совѣсти.

У Достоевскаго (говорящаго въ данномъ случаѣ устами Алеши) чрезвычайно широкій, обнимающій и объединяющій, повидимому, совершенно разнородное, взглядъ на душевное достояніе человѣка. Вотъ что говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ романа—устами о. Паисія: „И отрекшіеся отъ христіанства и бунтующіе противъ него, въ существѣ своемъ сами того же самаго Христова облика суть, таковыми же и остались, ибо до сихъ поръ ни мудрость ихъ, ни жаръ сердца ихъ не въ силахъ были создать иного высшаго образа человѣку и достоинству его, какъ образъ, указанный древле Христомъ“.

Итакъ, и вѣрующій Алеша и невѣрующій Иванъ—одного и того же „Христова облика суть“: оба они принадлежатъ къ тому высшему типу людей, по отношенію къ которымъ приложимо похвальное „не единымъ хлѣбомъ живъ будетъ человѣкъ“. Но одинъ изъ нихъ живъ и спокоенъ, и жизнерадостенъ даже, а другой, хотя и живъ, однако не только жизнерадостности, но и простого спокойствія душевнаго нѣтъ у него — и до такой степени, что пройдетъ еще немного времени, лѣтъ 5—6, и онъ продолжать жизнь уже не захочетъ. Отчего такая разница въ самочувствіи двухъ этихъ братьевъ, если оба они чувствуютъ подъ ногами одну и ту же прочную почву, одну и ту же „жажду жизни“, если оба они одного „облика Христова“ — не довольствуются единымъ вещественнымъ хлѣбомъ,—если оба, наконецъ, въ достаточной мѣрѣ физически здоровы? (Послѣднее обстоятельство, впрочемъ, и не такъ важно: старецъ Зосима, несмотря на свои физическіе недуги и немощи, спокоенъ духомъ и веселъ сердцемъ). Разница въ самочувствіи братьевъ оттого, что различны ихъ пути жизни: Алеша идетъ къ людямъ, и уже около людей, Иванъ старается держаться подальше отъ людей, замыкается въ себя.

Иванъ и самъ чувствуетъ, что онъ на ложномъ пути, что гдѣ-то, въ чемъ-то есть у него ошибка, несмотря на всѣ его увѣренія: „я давно рѣшилъ“, „у меня нѣтъ никакого сомнѣнія“ и т. д. Оттого-то онъ и не поставилъ точку, оттого онъ и ищетъ—то зонди-

руетъ почву въ монастырѣ, то хватается, какъ за спасеніе, за Алешу. Онъ чувствуетъ, что человѣкъ, познавшій истину, спокоенъ, не терзается высшими вопросами—о Богѣ, о жизни и о правдѣ. А у него нѣтъ этого покоя, нѣтъ, слѣдовательно, и истины...

Коренная ошибка Ивана Карамазова въ томъ, что онъ создалъ себѣ атмосферу гордаго одиночества и наполняетъ ее безплоднымъ философствованіемъ, вмѣсто того, чтобы стать поближе къ жизни и заняться дѣломъ. Иванъ самъ устроилъ свое несчастье или точнѣе, не поработалъ для своего счастья; онъ самъ того не замѣчая, какъ-то отдѣлился, уединился отъ жизни, отъ дѣтей даже, которыхъ такъ искренно любитъ, и создалъ, такимъ образомъ, себѣ тягостное одиночество. У него несомнѣнная жажда правды, а чѣмъ онъ удовлетворяетъ ее? Собираніемъ вырѣзокъ изъ газетныхъ хроникъ и горячимъ философствованіемъ надъ страданіемъ дѣтей. Но вѣдь это не утоленіе жажды, а лишь большее распаленіе ея. Если у меня жажда—самая прозаическая жажда, то, очевидно, никакія соображенія, разсужденія, хотя бы я унесся въ самую высь метафическихъ, этическихъ и всякихъ иныхъ тонкостей, не помогутъ: надо взять самой воды и утолить ею жажду. Точно такъ же и Ивану, при его жаждѣ правды, при его сочувствіи страждущимъ отъ людского безсердечія и звѣрства, и особенно страдающимъ дѣтямъ, слѣдовало бы не ограничиваться однимъ философствованіемъ, хотя бы и очень горячимъ и глубокимъ; слѣдовало бы, попросту, заняться дѣломъ,—отчего бы, напримѣръ, ему не поработать на пользу, въ защиту брошенныхъ дѣтей, бездомныхъ сиротъ?

Накопившаяся въ немъ энергія правды нашла бы тогда естественный (а вмѣстѣ и божескій) выходъ, оставивъ въ душѣ удовлетвореніе. Это даже физіологически вѣрно, и надо только удивляться, какъ умный Иванъ самъ не догадался объ этомъ. Алеша, почему-то, также не указалъ брату на эту роковую его ошибку—ошибку всей жизни Ивана, а не одного философствованія, и не посовѣтовалъ ему попробовать испытать это средство, хотя бы въ видѣ опыта. Правда, Иванъ говоритъ, что не можетъ любить людей подлинныхъ, а лишь отвлеченныхъ, умопредставляемыхъ, но дѣтей онъ выдѣ-

лилъ: дѣтей, по его мнѣнію, можно любить и вблизи и не теоретически только.

Задушевная бесѣда двухъ братьевъ завершилась очень цѣннымъ признаніемъ со стороны Ивана, который, кажется, впервые во всю жизнь свою почувствовалъ на себѣ дѣйствіе братской, безкорыстной любви:

—„Вотъ что, Алеша,—проговорилъ Иванъ твердымъ голосомъ: если въ самомъ дѣлѣ хватитъ меня на клейкіе листочки, то любить ихъ буду, *лишь тебя вспоминая*.*). Довольно мнѣ того, что ты тутъ гдѣ-то есть, и жить еще не расхочу... Если хочешь, прими хоть за объясненіе въ любви“.

Въ высшей степени знаменательныя слова! въ нихъ вся суть, вся тайна жизни,—Иванъ почувствовалъ ее, но не осмыслилъ, и все не видитъ, все смотритъ куда-то мимо—въ безвоздушную даль... Несчастный нашъ философъ, утверждавшій, что любить живыхъ, конкретныхъ людей нельзя, что можно любить лишь отвлеченнаго человѣка, идею, собственнымъ примѣромъ опровергъ себя и до нѣкоторой степени спасъ такимъ образомъ; онъ любитъ „братишку“ Алешу, чувствуетъ, что и тотъ любитъ его, и вотъ жизнь становится ему уже милѣе, цѣннѣе,—немного, положимъ, потому что Иванъ лишь нѣсколько вышелъ изъ тѣснаго круга гордаго одиночества, но для начала и этого было бы довольно, если бъ онъ вскорѣ же снова не затворился какъ улитка.

Сознаніе Ивана продолжало работать въ прежнемъ, ошибочномъ направленіи. Попрежнему онъ, какъ бѣлка въ колесѣ, продолжалъ вертѣться въ тѣсномъ заколдованномъ кругу одиночества и безплоднаго теоретизированія на почвѣ сердечнаго ожесточенія. Какъ былъ онъ внѣ жизни, такъ и остался. А между тѣмъ, вниманіе его было приковано именно къ жизни: „страданія“, „мученія“, „неповинные“—все это онъ не выдумалъ, а взялъ изъ подлинной жизни, и неправда жизни своими острыми углами задѣла его сильно и глубоко—не скользнула только по поверхности его сознанія,—и все-таки въ самой жизни непосредственнаго участія онъ не принималъ. Это не было эгоизмомъ (эгоизмъ глухъ къ

*) Курсивъ нашъ.

страданіямъ другихъ и къ неправдѣ, если она не наноситъ ущерба его личнымъ интересамъ), это не было и слабоволіемъ: ниоткуда не видно было, чтобъ Иванъ захотѣлъ приняться за то или другое, но силы воли для осуществленія своего намѣренія не нашелъ бы въ себѣ. Это было просто заблужденіе. Иванъ заблуждался, надѣясь рѣшить великую проблему жизни независимо отъ самой жизни, одной работой ума. Поговорить, обмозговать—надежнѣе этого онъ ничего не могъ себѣ и представить. Разставаясь надолго и прощаясь съ Алешей, онъ обѣщалъ брату придти еще разъ „поговорить“ съ нимъ когда-нибудь—лѣтъ черезъ 7, черезъ 8.

Снова, значитъ, надежда на слова, на новыя комбинаціи великихъ словъ: Богъ, міръ, гармонія, человѣчество и т. д., и т. д. Всю недюжинную силу своего ума и сердца онъ потратилъ на эти безплодныя комбинаціи, на теоретическое витаніе надъ жизнью, вмѣсто того, чтобъ принять въ ней живое и дѣятельное участіе въ качествѣ хотя бы человѣка, „ужасно любящаго дѣточекъ“, о которыхъ такъ горячо и много разсуждалъ и для которыхъ ровнымъ счетомъ ничего не сдѣлалъ и не собирался сдѣлать.

Ставъ ближе къ дѣтямъ, онъ, страдающій и одинокій, не могъ бы не почувствовать на себѣ благотворное дѣйствіе драгоцѣнныхъ свойствъ дѣтской природы: чистоты сердца, способности привязанности или, что то же, любви, дѣтской простоты и непосредственности; это могло бы быть прочнымъ началомъ его „исцѣленія“, и онъ съ отрадой вскорѣ же почувствовалъ бы, какъ мало-по-малу перемѣщается самый центръ его жизни—изъ области безплодныхъ словъ въ область полезныхъ дѣлъ и самыхъ жизненныхъ интересовъ.

Но философъ нашъ даже и не думалъ попробовать стать ближе къ жизни съ цѣлью „исцѣленія“ себя. И можно рѣшительно думать, что онъ и не захотѣлъ бы этого сдѣлать, если бъ ему и указали на возможность такого исхода: онъ, вѣрный своей точкѣ зрѣнія, заподозрѣлъ бы въ такомъ исходѣ только самообманъ,—получилось бы, дескать, забвеніе въ большей или меньшей степени, а суть, а нелѣпость неправды и страданій осталась бы во всей своей неприкосновенности. Ну,

допустимъ, удастся ему предотвратить нѣсколько случаевъ неправды, жестокихъ насилій, но вѣдь это было бы только ничтожной каплей въ неизмѣримомъ океанѣ человѣческихъ страданій. А прошлое—вѣдь его не вернешь и не поправишь... И снова мы услышали бы отъ него уже высказанное имъ непреклонное рѣшеніе: „Лучше ужъ я останусь при неотомщенномъ страданіи моемъ и неутоленномъ негодованіи моемъ, хотя бы я былъ и неправъ". Послѣднія слова—„хотя бы я былъ и неправъ"—свидѣтельствовали бы о полной безнадежности Ивана, если бъ только самъ онъ не допускалъ возможности у себя какой-либо ошибки. Но этой безнадежности, очевидно, не было въ сердцѣ самого Ивана, иначе у него не могло бы явиться и мысли о возможности своего „исцѣленія". Правда, онъ самъ не находилъ у себя ошибки, но ему все же хотѣлось, чтобы кто-нибудь открылъ ошибку, если только она есть.

И вотъ, такъ какъ Иванъ Карамазовъ упорно продолжалъ вести свою линію, т. е. продолжалъ центръ своей жизни помѣщать въ напряженномъ „обмозгованіи" жизни, при чемъ „неотомщенное страданіе" его и „неутоленное негодованіе" его отъ этого не находили удовлетворенія, то и вполнѣ естественно, что нервы его не выдержали: онъ почти сходитъ съ ума, галлюцинируетъ. Невѣрно было бы объяснять катастрофу, разразившуюся надъ Иваномъ, внѣшними причинами—звѣрскимъ убійствомъ его отца и обстоятельствами, сгруппировавшимися около этого убійства,—все это, правда, потрясло его, но сыграло лишь роль толчка, бросившаго искру въ массу горючаго матеріала; годами накапливался этотъ матеріалъ, и если бы не случилось внѣшняго толчка, произошло бы, такъ сказать, внутреннее самовозгораніе, только нѣсколько позже развѣ. Катастрофы Ивану не миновать бы—дѣло къ тому у него шло.

Въ галлюцинаціяхъ Ивана Карамазова раскрываются почти до очевидности язвы души его; мы видимъ, какъ раздираютъ его душу сомнѣнія, при чемъ онъ одинаково не можетъ сказать съ увѣренностью ни да, но, нѣтъ—и это относительно самаго важнаго для него самаго нужнаго! Хотя бы отрицаніе, но несомнѣнное, безошибочное, но и его нѣтъ... Ничего нѣтъ есть,

только какой-то провалъ и корчащійся въ мукахъ человѣкъ.

Подробности галлюцинацій Ивана Карамазова чрезвычайно интересны и полны глубокаго, порою загадочнаго смысла. Въ общемъ смыслѣ ихъ намъ понятенъ: это не только психологическая возможность, это естественная послѣдовательноеть психическихъ переживаній; такъ неизбѣжно должно быть, по законамъ нашей человѣческой природы, если человѣкъ поставилъ себя въ такія-то и такія-то условія. Для насъ это — грозное предупрежденіе. Для Ивана Карамазова это — наказаніе за преступленіе, хотя бы онъ и не сознавалъ своего преступленія, какъ не сознавалъ своего Раскольниковъ, родной братъ его по духу невѣрія и гордой ожесточенности сердца.

Соединяя идейное, теоретическое содержаніе въ Иванѣ съ практическимъ, т. е. съ бездѣятельностью героя, мы, надѣемся, точно уразумѣваемъ мысль Достоевскаго, вложенную въ эту фигуру. Было бы ошибкой думать, что вся суть Ивана Карамазова исчерпывается словомъ атеизмъ, невѣріе, равно какъ было бы не меньшей ошибкой сводить всю „болѣзнь“ этого героя къ его бездѣлью. Вѣра сама по себѣ, даже самая несомнѣнная, далеко не обезпечиваетъ для вѣрующаго того душевнаго мира, того внутренняго равновѣсія, гармоніи души, что въ совокупности можно назвать истиннымъ счастьемъ,—яркимъ примѣромъ этого является о. Ѳерапонтъ въ томъ же романѣ „Братья Карамазовы“. Не даромъ и сказано, что „вѣра безъ дѣлъ мертва есть“. Что касается однихъ дѣлъ безъ вѣры, то опять-таки въ результатѣ не получится цѣльнаго, „правильнаго“ человѣка; отсутствіе вѣры чѣмъ-нибудь да скажется: необъяснимой тоской, грустью, неудовлетворенностью и т. д. Къ сожалѣнію, Достоевскій не иллюстрировалъ этой послѣдней мысли въ интересующемъ насъ романѣ (Ракитинъ не можетъ идти здѣсь въ качествѣ иллюстраціи, потому что у него, при несомнѣнномъ безвѣріи его, дѣлъ нѣтъ иныхъ, какъ „обдѣлываніе“ собственныхъ дѣлишекъ — часто грязныхъ, некрасивыхъ и во всякомъ случаѣ не выходящихъ изъ сферы узко-эгоистическихъ интересовъ).

Подводя итогъ всему, что мы знаемъ изъ романа объ Иванѣ Карамазовѣ, и имѣя въ виду, что Достоевскій въ „Братьяхъ Карамазовыхъ“ даетъ не просто любопытные типы и интересныя сцены въ психологическомъ и психопатологическомъ отношеніи, а рѣшаетъ великую проблему жизни, мы приходимъ къ слѣдующему общему выводу жизненно-практическаго характера: не въ философствованіи разгадка смысла жизни и счастье. Какъ бы высоко ни парилъ умъ человѣка, какъ бы ни казалось ему, что онъ имѣетъ самую непреложную и несомнѣнную точку отправленія, хотя бы чувство справедливости, даже жажду ея, все же и мысли, и чувства, сами по себѣ, независимо отъ жизни, не помогутъ уразумѣть подлинный смыслъ жизни и постигнуть тайну счастья. Это достигается инымъ путемъ. Какимъ? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ является идеальная личность Зосимы.

II.

Когда Достоевскій замыслилъ написать романъ, названный имъ впослѣдствіи „Братья Карамазовы“ (это было въ 1870-мъ году—за 10 лѣтъ до созданія знаменитаго романа), въ геніальной головѣ писателя зрѣли великія мысли, и между ними была одна особой важности: мысль создать положительный образъ. „Вамъ одному исповѣдаюсь, Аполлонъ Николаевичъ“,—писалъ Достоевскій извѣстному поэту Майкову о проектируемомъ романѣ: „хочу выставить во второй повѣсти главной фигурой Тихона Задонскаго, конечно, подъ другимъ именемъ... Для другихъ пусть это гроша не стоитъ, но для меня—сокровище... Авось выведу величавую, положительную, святую фигуру“.

Такъ вотъ что, оказывается, лелѣялъ великій писатель и въ головѣ и въ сердцѣ своемъ, въ качествѣ „сокровища“, въ качествѣ центральнаго пункта будущаго романа—„святую фигуру“. Не многіе изъ его собратій по перу задавались столь великою цѣлью, а если и задавались, то совершенно изнемогали подъ тяжкимъ бременемъ непосильной для нихъ задачи. Отрицать, осмѣивать, разрушать, оказывается, какъ и всегда, впрочемъ, оказывалось, гораздо легче, чѣмъ

созидать или давать положительное. Оттого и такое множество писателей-отрицателей. Но помимо легкости самаго труда примѣшивается тутъ и другое обстоятельство: неясность, а нерѣдко и отсутствіе идеала у того или другого писателя. Иной бы и смогъ, сумѣлъ бы создать художественный положительный образъ, да та лишь бѣда, что матеріала нѣтъ—не въ дѣйствительности, конечно, нѣтъ, а въ душѣ, въ сердцѣ художника. Идеальный образъ не выдумаешь, не сочинишь; идеальный образъ есть частица самого автора, живительное начало въ его душѣ. Вотъ почему такой образъ въ особенности дорогъ самому художнику, и вотъ почему, также, этотъ образъ долженъ быть важенъ для читателей, особенно, если они переживаютъ опасный моментъ переоцѣнки всѣхъ цѣнностей, выражающійся чаще всего (какъ въ наши дни) въ видѣ идейнаго распада.

Достоевскій, чтобы не допустить при созданіи своего любимаго образа какой-нибудь ошибки, неточности, нарочно ѣздилъ въ извѣстную Оптину пустынь (Калужск. губ.), жилъ тамъ нѣкоторое время, наблюдалъ, изучалъ. Знаменитый старецъ Амвросій (нынѣ уже покойный) своею дивно прекрасною личностью далъ Достоевскому несомнѣнный, подлинно-реальный матеріалъ для созданія свѣтлаго образа Зосимы (писатель измѣнилъ свое первоначальное намѣреніе вывести въ романѣ фигуру святителя, остановившись, по всестороннемъ размышленіи, на образѣ іеросхимонаха). Поэтому же все, что относится къ изображенію монастыря въ ром. „Братья Карамазовы“ и выведенныхъ при этомъ лицъ, дышетъ самою точною правдой. Это не плодъ воображенія, не выдумка, не мечта, а сама жизнь и живые подлинные люди.

Что же такое старецъ Зосима и чѣмъ онъ такъ плѣнилъ и умъ и сердце нашего великаго писателя? Старецъ Зосима, съ точки зрѣнія Достоевскаго, больше всего—великій человѣколюбецъ. А затѣмъ—этотъ старецъ обладалъ рѣшительно всѣмъ, что дѣлаетъ жизнь человѣка не только осмысленной, но и счастливой.

Человѣку, прежде всего, нужно знать, что онъ такое и что ему надо дѣлать. Ясно ли это Зосимѣ? другими словами—уразумѣлъ ли онъ смыслъ жизни? О, старецъ былъ совершенно увѣренъ, что онъ, какъ и вся-

кій другой, созданъ Богомъ для добра; при этомъ вѣра его до того была несомнѣнна, что граничила съ убѣжденностью знанія. Отсюда и необыкновенное спокойствіе старца, спокойствіе философа, ни на минуту не сомнѣвающагося въ правильности избраннаго имъ пути. Это не былъ слѣпо вѣрующій человѣкъ, это былъ убѣжденный христіанинъ. То обстоятельство, что онъ счастливо сочеталъ область мысли съ областью чувства, а все это съ практикой своей жизни, дѣлало старца Зосиму личностью исключительною и обаятельно прекрасною.

„Мыслю, слѣдовательно, есмь"—когда-то изрекъ философъ Декартъ, и какою-то сухостью отзывается это знаменитое изрѣченіе. Но вотъ что говоритъ нашъ философъ—старецъ Зосима: „Разъ въ безконечномъ бытіи, неизмѣримомъ ни временемъ, ни пространствомъ, дана была нѣкоему духовному существу, появленіемъ его на землѣ, способность сказать себѣ: я есмь и я люблю". Я есмь и я люблю... Вѣдь это не менѣе глубоко, а если не смущаться правдой—это глубже Декартовскаго: „Я мыслю, слѣдовательно, существую", потому что доказывать самому себѣ фактъ собственнаго существованія, это смахиваетъ на нѣкоторое излишество мысли; въ крайнемъ случаѣ это только сухое логическое сужденіе. Сказать же: „я есмь и я люблю", это значитъ не только признать свое бытіе, но и вмѣстѣ начертать цѣлую программу жизни и указать сладостный смыслъ ея. Отсюда же видно, что спокойствіе Зосимы не могло быть деревяннымъ спокойствіемъ философа-стоика, не знавшаго радостнаго трепета души, глухого къ поэзіи жизни. Какъ любитъ нашъ старецъ жизнь, природу! Умилительною, тихою поэзіей дышетъ разсказъ Зосимы объ умершемъ во цвѣтѣ лѣтъ родномъ братѣ его: тутъ и свѣтлое солнышко, и голубое небо, и божьи пташки, и цвѣты... Такое глубокое чувство красоты, разлитой въ природѣ, во всемъ необъятномъ мірѣ Божіемъ, повидимому, трудно было бы предположить въ монахѣ, да вдобавокъ въ схимникѣ, отрекшемся отъ внѣшняго міра, ушедшаго въ собственный внутренній міръ души; но это потому только, что мы обыкновенно очень поверхностно судимъ о монашествѣ,

по установленному шаблону, такъ сказать. Достоевскій же рисуетъ не по шаблону, а съ живой натуры.

Какимъ свѣтлымъ, озареннымъ радостной, торжественной мыслью является старецъ въ предсмертной прощальной бесѣдѣ своей съ близкими! даже леденящее дыханіе совсѣмъ уже приблизившейся смерти не могло остудить его всегдашнюю теплоту души и отнять присущую ему нѣкоторую радостность настроенія.—„Когда Алеша съ тревогой и болью—разсказываетъ авторъ—вошелъ въ келью старца, то остановился почти въ изумленіи: вмѣсто отходящаго больного, можетъ быть, уже безъ памяти, какимъ боялся найти его, онъ вдругъ увидалъ его сидящимъ въ креслѣ, хотя съ изможденнымъ отъ слабости, но съ бодрымъ и веселымъ лицомъ, окруженнаго гостями и ведущаго съ ними тихую и свѣтлую бесѣду“.

Страшная, послѣдняя проба всякаго человѣка—смерть („трепетъ естества и страхъ“, какъ писалъ еще старикъ Державинъ) для Зосимы не была страшна; его вѣра въ Бога-Промыслителя, все устрояющаго къ лучшему, была надежной броней противъ страха смерти. Смерть для Зосимы, какъ убѣжденнаго христіанина, была естественнымъ переходомъ въ иную, лучшую жизнь, отсюда у него не только полное отсутствіе страха, но нѣчто несравненно большее—повышенная радостность настроенія, свѣтлая и тихая торжественность, какъ въ вечеръ передъ Пасхой.

Что за обращеніе было у этого старца съ людьми, особенно простыми или же близкими къ нему,—ласковое, сердечное, простое.

—„Здравствуй, тихій, здравствуй, милый, вотъ и ты. Я зналъ, что ты прибудешь“,—встрѣчаетъ онъ Алешу: „ждутъ ли тебя твои, сынокъ?“

— „Ты съ чѣмъ, родненькая?“—обращается онъ къ пришедшей къ нему, выплакать свое горе глубокое, крестьянкѣ. Или: „Вотъ что я тебѣ еще скажу, Прохоровна“... И всѣ слышавшіе старца чувствовали, что сама любовь, само теплое участіе и доброжелательство звучитъ въ тихомъ голосѣ старца.

Зосима жилъ такою жизнью, что совершенно не могъ создавать себѣ враговъ (хотя завистники и были у него,—но обвинить старца въ чемъ-либо предъ ними рѣшительно

было бы невозможно). Онъ своими рѣчами, дѣлами, всѣмъ своимъ отношеніемъ къ людямъ могъ создавать себѣ только друзей. Ни у кого ничего не отнималъ этотъ человѣкъ, никому не завидовалъ, никому не мѣшалъ, ничего не просилъ изъ предметовъ или вещей, которые были нужны другимъ, наоборотъ — давалъ просившимъ у него, что только могъ дать и въ чемъ тѣ нуждались. На его собственныя нужды довольно было самаго малаго; то, что истребляетъ каждый изъ насъ, хватило бы на поддержаніе жизни много такихъ, какъ Зосима. Онъ зналъ, что нужно и что не нужно, что важно и что не важно, а главное — такъ согласовалъ свое знаніе съ жизнью, слово съ дѣломъ, что никакая попытка злого человѣка вывести его изъ состоянія духовнаго равновѣсія, поколебать его, возмутить его душу не могла бы имѣть успѣха. Его нельзя было ничѣмъ устрашить, запутать—никакими угрозами, никакими лишеніями, ничѣмъ нельзя было бы также ни разсердить его, ни соблазнить. Гнусная попытка старика Карамазова, путемъ издѣвательства и глумленія надъ нимъ (Зосимою) и надъ монахами вообще, вывести старца изъ терпѣнія оказалась безуспѣшной.

Зосима достигъ такой высоты нравственнаго совершенства, которая граничитъ съ небомъ. Для мукъ или упрековъ совѣсти не было ни повода, ни причины, и оттого онъ былъ глубоко счастливымъ человѣкомъ. Это было счастіе настоящее, неотъемлемое, потому что покоилось на незыблемо твердомъ фундаментѣ: на вѣрѣ въ Бога и жизни по этой вѣрѣ.

Но Зосима не только самъ былъ счастливъ, но и на другихъ проливалъ тихій свѣтъ счастья, точно ласковое солнце. Его счастье было не эгоистично,—это мы особенно должны цѣнить въ Зосимѣ.—„Алеша (читаемъ въ романѣ) почти всегда замѣчалъ, что многіе, почти всѣ, входившіе въ первый разъ къ старцу на уединенную молитву, входили въ страхѣ и безпокойствѣ, а выходили отъ него почти всегда свѣтлыми и радостными, и самое мрачное лицо обращалось въ счастливое. Алешу необычайно поражало и то, что старикъ былъ вовсе не строгъ; былъ всегда почти веселъ въ обхожденіи“.

Долголѣтняя практика внимательнаго и сердечнаго отношенія къ людямъ, всякаго возраста, званія и состоянія, несшимъ къ старцу свои сомнѣнія, грѣхи, страданія, испрашивавшимъ совѣта и наставленія, сдѣлала то, что старецъ подъ конецъ пріобрѣлъ прозорливость: „съ перваго взгляда на лицо незнакомаго, приходившаго къ нему, могъ угадывать, съ чѣмъ тотъ пришелъ, чего тому нужно, и даже какого рода мученіе терзаетъ его совѣсть, и удивлялъ, смущалъ и почти пугалъ (невольно) иногда приходившаго такимъ знаніемъ тайны его, прежде чѣмъ тотъ молвилъ слово“,— говоритъ Достоевскій.

Старецъ былъ нуженъ и полезенъ незамѣнимо. Чтобы понять это, надо было видѣть сцены его появленія къ ожидавшему его народу. У Алеши, который былъ послушникомъ у Зосимы и часто видѣлъ такія сцены, всегда при этомъ дрожало сердце, и весь какъ бы сіялъ онъ—отъ восторга и благоговѣйнаго чувства. Вотъ что обыкновенно онъ видѣлъ:

„Они (пришедшіе отовсюду) повергались предъ нимъ, плакали, цѣловали ноги его, цѣловали землю, на которой онъ стоитъ, вопили, бабы протягивали къ нему дѣтей своихъ, подводили больныхъ кликушъ. Старецъ говорилъ съ ними, читалъ надъ ними краткую молитву, благословлялъ и отпускалъ ихъ... Для Алеши не составляло никакого вопроса, за что они его любятъ, за что они повергаются предъ нимъ и плачутъ отъ умиленія, завидѣвъ лишь лицо его. О, онъ отлично понималъ, что для смиренной души русскаго простолюдина, измученнаго трудомъ и горемъ, а главное, всегдашнею несправедливостью и всегдашнимъ грѣхомъ, какъ своимъ, такъ и міровымъ, нѣтъ сильнѣе потребности и утѣшенія, какъ обрѣсти святыню, или святого, пасть предъ нимъ и поклониться ему: „Если у насъ грѣхъ, неправда и искушеніе, то, все равно, есть на землѣ, тамъ-то, гдѣ-то, святой и высшій, у того за то правда, тотъ зато знаетъ правду: значитъ, не умираетъ она на землѣ, а стало быть, когда-нибудь и къ намъ перейдетъ“...

Знать Алеша, что такъ именно и чувствуетъ и даже разсуждаетъ народъ,—онъ, понималъ это, но то, что старецъ именно и есть этотъ самый святой, этотъ хранитель Божьей правды въ

глазахъ народа—въ этомъ онъ не сомнѣвался нисколько и самъ, вмѣстѣ съ этими плачущими мужиками и больными ихъ бабами, протягивающими старцу дѣтей своихъ".

Эта страница романа прекрасно освѣщаетъ роль монастыря въ жизни народа и объясняетъ идейное его значеніе. Но нерѣдко можно встрѣтить такихъ людей (обыкновенно мнящихъ себя чѣмъ-то въ родѣ сверхъинтеллигентовъ), которые отъ только что приведенной страницы изъ Достоевскаго приходятъ въ какое-то презрительно-раздражительное состояніе: ужъ очень не по душѣ имъ эта страница.

— Мракобѣсіе,—отзываются одни.

— Темнота,— вторятъ другіе.

— Изувѣрство,—возмущаются третьи.

Такъ отзываться о святынѣ сердца народнаго! Такъ легкомысленно третировать глубочайшія его чувства!.. Неудивительно, что народъ въ массѣ своей отрицаетъ интеллигенцію. какъ нѣчно совершенно чуждое ему, враждебное даже. Только близорукость односторонне развитаго ума можетъ объяснять эту несомнѣнную, затаенную враждебность народа къ интиллигенціи единственно лишь соціально-экономическими или политическими условіями. Больше всего народъ не прощаетъ поруганіе своихъ святынь. Уважайте чужую святыню, если даже сами ее не признаете: это долгъ мало-мальски порядочнаго человѣка.

Въ романѣ есть глава („Вѣрующія бабы"), въ высшей степени жизненно, просто и вмѣстѣ художественно иллистрирующая мысль о великомъ значеніи монастыря для народа: изображена сцена (очевидно, списанная съ фактической дѣйствительности) появленія старца Зосимы къ ожидавшей его толпѣ. Сцена эта производитъ на читателя, или, вѣрнѣе, мысленнаго зрителя, чрезвычайно сильное впечатлѣніе. Столько горя, тоски безысходной, мукъ душевныхъ и физическихъ принесено и повержено къ ногамъ святаго старца, — съ мольбой, надеждой на него, какъ единственнаго утѣшителя и наставника, который въ тяжелыя минуты жизни безконечно нужнѣе, важнѣе и дороже, чѣмъ „отецъ родной" даже, и столько дѣйствительно получено утѣшенія, облегченія, исцѣленія въ скорьбяхъ и

мукахъ, столько оказано нравственной поддержки человѣку, что вопросъ возникаетъ невольно: есть ли во всемъ окружающемъ насъ мірѣ что-либо иное, что могло бы замѣнить это? Для вѣрующаго отрицательный отвѣтъ на этотъ вопросъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Невѣрующій обнаружитъ полное непониманіе психики человѣческой и вмѣстѣ варварскую, безпощадную жестокость къ страдающимъ, если, принципіально отрицая Зосиму и ему подобныхъ „человѣколюбцевъ", станетъ говорить, что никакого такого утѣшенія и не надо, что это только самообманъ и суевѣріе, что постоянство и неизбѣжность законовъ природы, опредѣляющихъ жизнь и смерть человѣка, какъ и всякаго другого существа, должны быть сами по себѣ достаточнымъ утѣшеніемъ, что глупо плакать и убиваться матери, потерявшей своего любимаго ребенка, что плакать въ подобномъ случаѣ все равно, что плакать надъ тѣмъ, что $2 \times 2 = 4$, а не 5, или надъ тѣмъ, что иной цвѣтокъ не можетъ жить дольше одного дня... „Глупо плакать"!.. Избави Богъ насъ отъ такихъ „умныхъ" утѣшителей, холодныхъ, какъ древнегреческая судьба, и жестокихъ, какъ слѣпыя силы физической природы: лязгомъ стальныхъ колецъ міровой необходимости отзываются ихъ яко-бы утѣшительныя рѣчи, и скорбь отъ нихъ лишь умножится.

Какой живительной теплотой, какимъ тонкимъ пониманіемъ природы человѣческой вѣетъ отъ словъ Зосимы! Вотъ напр., какъ утѣшаетъ онъ мать-крестьянку, схоронившую единственнаго своего сыночка (приведемъ лишь нѣсколько строкъ):

— „О чемъ плачешь-то?"

— „Сыночка жаль, батюшка, трехлѣточекъ былъ, безъ трехъ только мѣсяцевъ и три бы годика ему. По сыночку мучусь, отецъ, по сыночку. Послѣдній сыночекъ оставался, 4-ро были у насъ съ Никитушкой, да не стоятъ у насъ дѣтушки... Трехъ первыхъ схоронила я, не жалѣла я ихъ очень-то, а этого послѣдняго схоронила и забыть его не могу"... (идетъ подробный, сердце пронзающій болью разсказъ о страшномъ материнскомъ горѣ).— „Она вынула изъ-за пазухи маленькій позументный поясочекъ своего мальчика, и только лишь взглянула на него, такъ и затряслась отъ рыданій..."

— „А это,—проговорилъ старецъ,—это древняя „Рахиль плачетъ о дѣтяхъ своихъ и не можетъ утѣшиться, потомучто ихъ нѣтъ“, и таковой вамъ, матерямъ, предѣлъ на землѣ положенъ. И не утѣшайся, и не надо тебѣ утѣшаться, не утѣшайся и плачь, только каждый разъ, когда плачешь, вспоминай неуклонно, что сыночекъ твой—есть единый отъ ангеловъ Божіихъ, оттуда на тебя смотритъ и видитъ тебя и на твои слезы радуется и на нихъ Господу Богу указываетъ. И надолго еще тебѣ сего великаго материнскаго плача будетъ, но обратится онъ подъ конецъ тебѣ въ тихую радость и будутъ горькія слезы твои лишь слезами тихаго умиленія и сердечнаго очищенія, отъ грѣховъ спасающаго. А младенчика твоего помяну за упокой,— какъ звали-то?

— „Алексѣемъ, батюшка.

— „Имя-то милое. На Алексѣя Человѣка Божія?

— „Божія, батюшка, Алексѣя Человѣка Божія!

— „Святой-то какой! Помяну, мать, помяну, и печаль твою на молитвѣ вспомяну, и супруга твоего за здравіе помяну. Только его тебѣ грѣхъ оставлять. Ступай къ мужу и береги его. Увидитъ оттуда твой мальчикъ, что бросила ты его отца, и заплачетъ по васъ: зачѣмъ же ты блаженство его нарушаешь? Вѣдь живъ онъ, ибо жива душа во вѣки, и нѣтъ его въ домѣ, а онъ невидимо подлѣ васъ. Какъ же онъ въ домъ придетъ, коль ты говоришь, что возненавидѣла домъ свой?.. Вотъ онъ снится теперь тебѣ, и ты мучаешься, а тогда онъ тебѣ кроткіе сны пошлетъ. Ступай къ мужу, мать, сего же дня ступай.

— „Пойду, родной, по твоему слову пойду. Сердце ты мое разобралъ“... И горе матери уже наполовину снято, и сердцу ея легче.

Не можетъ быть никакого сравненія между тѣмъ „умнымъ“ бездушіемъ, способнымъ только окаменить или убить сердце живого человѣка, и этимъ сердечнымъ участіемъ къ страдающему, которое обнаруживалъ старецъ Зосима и которое, какъ истинное съ психологической и этической точки зрѣнія, не могло не оказывать самаго благотворнаго вліянія на дальнѣйшую жизнь страждущаго: самыхъ безнадежныхъ, до-

шедшихъ до отчаянія и близкихъ къ самоубійству или къ умопомѣшательству отъ великаго горя, старецъ своей любовью и участіемъ возвращалъ къ жизни. И въ этомъ жизненномъ дѣлѣ онъ, дѣйствительно, былъ нуженъ и полезенъ незамѣнимо. Но Зосимы и впредь будутъ нужны въ этомъ „мірѣ печали и слезъ“, какъ опора, какъ свѣточъ, какъ незатемненный „образъ Божій“, какъ живое и радостное рѣшеніе мучительной проблемы жизни.

Старецъ Зосима былъ такъ опытенъ и, можно сказать, прозорливъ, что сразу видѣлъ, кто изъ приходившихъ къ нему нуждается въ утѣшеніи, въ тепломъ сочувствіи и кто—въ обличеніи скорѣе и укорѣ. Зосима дѣйствовалъ иногда и укоромъ, но такъ мягко, деликатно изобличалъ онъ, что изобличенія почти не чувствовалось: оно растворялось въ чувствѣ любви и доброжелательства. Послушаемъ хоть немного его въ бесѣдѣ „съ маловѣрной дамой“—г-жей Хохлаковой, чувствительной свѣтской барыней.

— „Я страдаю, простите меня, я страдаю...“,—нервно произноситъ дама.

— Чѣмъ же особенно?—спрашиваетъ старецъ.

— „Невѣріемъ“.

— Въ Бога невѣріемъ?

— „О, нѣтъ, нѣтъ, я не смѣю и подумать объ этомъ: но будущая жизнь—это такая загадка! И никто-то, вѣдь, никто на нее не отвѣчаетъ... Чѣмъ же доказать, чѣмъ убѣдиться?“

— Доказать тутъ нельзя ничего, убѣдиться же возможно.

— „Какъ? Чѣмъ?“

— Опытомъ дѣятельной любви. Постарайтесь любить вашихъ ближнихъ дѣятельно и неустанно. По мѣрѣ того, какъ будете преуспѣвать въ любви, будете убѣждаться и въ бытіи Бога, и въ безсмертіи души вашей. Если же дойдете до полнаго самоотверженія въ любви къ ближнему, тогда уже несомнѣнно увѣруете, и никакое сомнѣніе даже и не возможетъ зайти въ вашу душу. Это испытано, это точно.

— „Дѣятельной любви?.. я такъ люблю человѣчество, что, вѣрите ли, мечтаю иногда бросить все, оставить

Lise и пойти въ сестры милосердія. Я закрываю глаза, думаю и мечтаю“...

— И то ужъ много и хорошо, что умъ вашъ мечтаетъ объ этомъ, а не о чемъ иномъ. Нѣтъ, нѣтъ, да невзначай и въ самомъ дѣлѣ сдѣлаете какое-нибудь доброе дѣло... Сдѣлайте, что можете и сочтется вамъ...“

Многое еще говорилъ „маловѣрной“, но, очевидно, многомечтательной дамѣ старецъ, и мы узнаемъ изъ его наставленія, что важно и нужно избѣгать исканія похвалы, избѣгать лжи—самимъ себѣ въ особенности; что необходимо пріучить себя къ любви дѣятельной, въ которой все спасеніе человѣка; что послѣдняя, сравнительно съ мечтательной любовью, — „дѣло жестокое т. е. весьма трудное) и устрашающее“, но что надо пре(возмочь себя; узнаемъ, что „любовь мечтательная жаждетъ подвига скораго, быстро удовлетворимаго, и чтобы всѣ на него глядѣли, и что тутъ, дѣйствительно, доходятъ до того, что даже и жизнь отдаютъ, только бы не продлилось долго, а поскорѣе совершилось, какъ бы на сценѣ, и чтобы всѣ глядѣли и хвалили. Любовь же дѣятельная—это работа и выдержка, а для иныхъ такъ, пожалуй, цѣлая наука“...

Достоевскій не показываетъ намъ Зосиму въ его внутреннемъ отношеніи къ Богу, не раскрываетъ намъ душу старца съ этой стороны. Причиной тому, надо полагать, служитъ то обстоятельство, что вскрыть „святая святыхъ“ души человѣка, особенно такого, какъ старецъ Зосима, выразить интимную сторону религіозныхъ движеній его души,—невозможно никакому художнику. Едва ли и самъ носитель благоговѣйно-религіознаго чувства можетъ анализировать свое душевное переживаніе. Достоевскій сдѣлалъ лишь то, что доступно было ему, великому художнику-психологу: онъ приподнялъ край завѣсы, которая закрывала отъ нашихъ глазъ „святая святыхъ“ души Зосимы. И мы отчасти, правда, но все же видимъ, какое это было высокое и вмѣстѣ простое настроеніе. Какъ солнце отражается въ кристально чистой каплѣ утренней росы, такъ въ душѣ Зосимы отражалась Частица Бога, Который есть Любовь. Старецъ весь былъ воплощеніемъ совѣсти и любви—

даже до такой степени, что и самый адъ онъ представлялъ себѣ, какъ „страданіе о томъ, что нельзя уже болѣе любить“. Муки совѣсти, съ точки зрѣнія Зосимы, самыя страшныя муки для человѣка; онѣ несравненно сильнѣе страданій физическихъ, такъ что если въ аду будутъ муки физическія, это было бы облегченіемъ. нѣкоторымъ заглушеніемъ мукъ душевныхъ, нравственныхъ, мукъ сильнѣйшихъ—чрезъ удаленіе отъ Источника любви.

„Законъ Христовъ, сказывающійся въ сознаніи собственной совѣсти“ всякаго человѣка, является, по убѣжденію Зосимы, единственно дѣйствительнымъ средствомъ какъ исправленія, даже самыхъ преступныхъ, такъ вмѣстѣ и объединенія въ благоустроенное общество братьевъ во Христѣ. Въ душѣ его живетъ глубокая идея замѣны государства Церковью, замѣна не насиліемъ, не принужденіемъ, не дипломатическими уловками и хитростями, а свободнымъ естественнымъ ходомъ вещей: убѣдятся, наконецъ, люди, что общество, какъ „союзъ почти языческій“, не даетъ имъ правды, и обратятся къ церкви, и надо ждать въ концѣ концовъ преображенія общества-государства въ единую, вселенскую и владычествующую церковь. „И нечего смущать себя—вдохновенно говоритъ старецъ Зосима—временами и сроками, ибо тайна временъ и сроковъ въ мудрости Божіей, въ предвидѣніи Его и въ любви Его. Что по разсчету человѣческому можетъ быть и весьма отдаленно, то по предопредѣленію Божіему, можетъ быть, уже стоитъ наканунѣ своего появленія, при дверяхъ. Сіе послѣднее буди, буди“.

Соединеніе людей въ братство, связанное не внѣшними, а внутренними, „душевными“ узами, подъ покровомъ единой церкви—вотъ единственно желательный и возможный, по Достоевскому *), выходъ изъ прошлаго и настоящаго состоянія рабства, приниженности, давленій всякаго рода, полной обезличенности человѣка, принимаемаго или за счетную рабочую единицу, какъ въ соціализмѣ, или за пушечное мясо и объектъ всевозможныхъ видовъ взиманія, какъ въ государствѣ.

— „Дѣло это душевное, психологическое“,—говоритъ

*) См. также его романы „Бѣсы“, „Идіотъ“ и др.

Достоевскій устами „таинственнаго посѣтителя“ въ „Братьяхъ Карамазовыхъ“: „Чтобы передѣлать міръ по-новому, надо, чтобы люди сами психически повернулись на другую сторону. Раньше, чѣмъ не сдѣлаешься въ самомъ дѣлѣ всякому братомъ, не наступитъ братство. Никогда люди никакою наукой и никакой выгодой не сумѣютъ безобидно раздѣлиться въ собственности своей и въ правахъ своихъ. Все будетъ для каждаго мало и все будутъ роптать, завидовать и истреблять другъ друга...“ Эгоизмъ раздѣляетъ людей на единицы,—„всякій уединяется въ свою нору“, и въ итогѣ, вмѣсто полноты жизни и счастья, даетъ лишь крахъ жизни—отсутствіе цѣнныхъ и прочныхъ радостей, отсутствіе высокихъ, нравственныхъ цѣлей, безъ чего человѣкъ жить не можетъ. Правда, на первый взглядъ можетъ показаться, человѣчество все болѣе объединяется—техника съ каждымъ днемъ сокращаетъ разстоянія, передаетъ по воздуху мысли и т. д. „Увы,—говоритъ Зосима-Достоевскій,—не вѣрьте такому единенію людей“, ибо такое единеніе чисто внѣшнее, ни мало не устраняющее ту трагедію. которая свершается внутри жизни, въ душахъ человѣческихъ. Будучи, съ одной стороны, царемъ, побѣдителемъ природы, человѣкъ, съ другой стороны, является рабомъ своихъ прихотей и страстей, и это послѣдне обстоятельство уничтожаетъ въ корнѣ всѣ плоды культурныхъ пріобрѣтеній, дѣлая человѣка глубоко несчастнымъ существомъ. Люди „искажаютъ природу свою“, имъ, естественно, хочется счастья, свободы, но понимая свободу, „какъ преумноженіе и скорое утоленіе потребностей“, они тѣмъ самымъ создаютъ условія, при которыхъ счастье невозможно, немыслимо. Вотъ отчего такъ много кругомъ „безсмысленныхъ и глупыхъ желаній, привычекъ и нелѣпѣйшихъ выдумокъ“. „Живутъ лишь для зависти другъ къ другу, для плотоугодія и чванства. Имѣть обѣды, выѣзды, экипажи, чины и рабовъ-прислужниковъ — считается уже такою необходимостью, для которой жертвуютъ даже жизнью, честью и человѣколюбіемъ... У тѣхъ, которые не богаты, то же самое видимъ, а у бѣдныхъ неутоленіе потребностей и зависть пока заглушаются пьянствомъ. Но вскорѣ вмѣсто вина упьются и кровью,—къ тому ихъ ведутъ“...

Не вѣчно, однако, такъ будетъ: придетъ срокъ,— вѣритъ Зосима, а съ нимъ и Достоевскій,—поймутъ, наконецъ, люди, что жить такъ дольше нельзя, и рушится тогда стѣна, отдѣляющая ихъ отъ счастья, исчезнетъ эгоистическое „страшное уединеніе“, въ которое всѣ впали. Возникнетъ новый, лучшій строй жизни, который будетъ основанъ на единственно вѣрномъ и крѣпкомъ фундаментѣ—на общемъ признаніи наивысшей цѣнности за моральными благами. А такъ какъ хранительницей этихъ высшихъ благъ была, есть и будетъ православная каѳолическая церковь, то въ концѣ концовъ и предстоитъ вселенское торжество православія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и русскаго народа, который въ глубинѣ коллективной души своей есть народъ именно православный — „народъ богоносецъ“. Что только въ человѣческомъ духовномъ достоинствѣ заключено все то, что обусловливаетъ и высшую красоту, и смыслъ, и счастье, т. е. нормальную, истинную жизнь и отдѣльной личности и цѣлой массы людей, это могутъ понимать (пока) только у насъ. „Были бы братья, будетъ и братство... Образъ Христовъ хранимъ, и возсіяетъ какъ драгоцѣнный алмазъ міру“, убѣжденно говоритъ старецъ Зосима.

Старецъ глубоко чтитъ народъ русскій. Правда, въ нашемъ народѣ много грѣховнаго, сквернаго, смраднаго даже, но важно то, что народъ знаетъ, что „проклятъ Богомъ его смрадный грѣхъ, и что поступаетъ онъ худо, грѣша. Такъ что неустанно еще вѣруетъ народъ нашъ въ правду, Бога признаетъ, умилительно плачетъ“. „Изъ народа спасеніе выйдетъ, изъ вѣры и смиренія его“. Отсюда понятенъ неоднократно повторяемый Зосимою заботливый призывъ ко всѣмъ русскимъ людямъ: „Берегите же народъ и оберегайте сердце его“, „берегите вѣру народную“...

Крѣпкая духовно-сердечная связь, искони существовавшая между русскимъ народомъ и монастыремъ, внушаетъ старцу Зосимѣ увѣренность, что нашъ народъ-богоносецъ не будетъ искать иныхъ путей жизни: идеаломъ его навсегда останется жизнь по вѣрѣ въ Бога и Христа Его. „Народъ вѣритъ по-нашему,—глубоко убѣжденъ Зосима,—а невѣрующій дѣятель у насъ

въ Россіи ничего не сдѣлаетъ, даже будь онъ искрененъ сердцемъ и умомъ геніаленъ. Это помните".

Духовная близость и общеніе между русскимъ православнымъ народомъ и русскимъ монастыремъ, который, по выраженію старца Зосимы, „былъ искони съ народомъ", свидѣтельствуетъ не только о томъ, что народная душа по самой природѣ своей—христіанка, но и о томъ, что сердцу народному дорогъ и милъ идеалъ монастырскій. Что это именно такъ, неотразимо доказывается тѣмъ фактомъ, что до сихъ поръ не могли разбить народной вѣры въ монастырь многочисленные случаи порчи монастырскихъ нравовъ, разбившіе послѣдніе остатки чувства симпатіи къ монастырямъ у нѣкоторыхъ интеллигентовъ. Прочность, непоколебимость народнаго чувства и его вѣры объясняется силой здравой логики, присущей русскому народу: народъ убѣжденъ, что отступленіе отъ правила не есть само правило, равно какъ нарушеніе заповѣди, грѣхъ, не есть сама заповѣдь. Народъ нашъ любитъ и чтитъ самый идеалъ монашеской жизни, а не отступленіе отъ него; тихая монастырская атмосфера, проникнутая послушаніемъ, постомъ и молитвой, ореолъ святости мѣста, уничтожить который не могутъ разные нарушители монастырскаго устава, вотъ что привлекало и привлекаетъ нашъ народъ въ монастыряхъ.

„Путь иноческій" близокъ и понятенъ нашему народу безъ словъ, безъ объясненій,—разумность, добро и красоту въ немъ народное сердце чувствуетъ непосредственно, такъ сказать, инстинктивно. Но для иныхъ самая суть „иноческаго пути" какъ-то не совсѣмъ ясна, и старецъ Зосима ее разъясняетъ—кратко и просто:

— „Надъ послушаніемъ, постомъ и молитвой даже смѣются,—говоритъ онъ,—а между тѣмъ лишь въ нихъ заключается путь къ настоящей истинной уже свободѣ: отсѣкаю отъ себя потребности лишнія и ненужныя; самолюбивую и гордую волю мою смиряю и бичую послушаніемъ, и достигаю тѣмъ, съ помощью Божіей, свободы духа, а съ нею и веселья духовнаго".

Зосима, при всей своей любви къ монастырю, далекъ отъ мысли прикрывать, какъ-нибудь замазывать мо-

настырскія язвы,—онъ не идеализируетъ фактическое монашество.

— „Правда, охъ правда,—сожалѣетъ старецъ:—много и въ монастырѣ тунеядцевъ, плотоугодниковъ, сластолюбцевъ и наглыхъ бродягъ“...

Вмѣстѣ съ этимъ огорчаетъ его и то обстоятельство, что именно „на сіе и указываютъ образованные свѣтскіе люди“, совершенно игнорируя все свѣтлое и доброе, что лежитъ въ самой основѣ монастыря и что проявляется въ жизни и подвигахъ лучшей части монашествующей братіи, хотя бы эта часть и не отличалась многочисленностью. Для Зосимы, чуждаго сухой ариѳметической правды, важно не количество, а качество, а послѣднее таково, что „отъ сихъ кроткихъ и жаждущихъ уединенной молитвы выйдетъ, можетъ быть, еще разъ спасеніе земли Русской“.

„Отъ насъ и издревле дѣятели народные выходили“, не ложно свидѣтельствуетъ старецъ, понимая слово, „дѣятели“ въ смыслѣ „дѣлатели добра“. И могъ бы добавить: „выходили, даже оставаясь въ затворѣ, въ молчаніи, пребывая подъ схимой“...

Съ любовью рисуя идеальный образъ старца Зосимы, Достоевскій этимъ самымъ выступаетъ убѣжденнымъ и искреннимъ апологетомъ христіанской жизни,—именно жизни: христіанства, какъ богословско-философской доктрины, онъ не касается; ничего не говоритъ онъ также о христіанской обрядности, о таинствахъ, о богослуженіи. Это дало поводъ нѣкоторымъ упрекать Достоевскаго въ томъ, что онъ всю суть христіанства (православія) сводилъ, будто бы, на одну лишь этику. Упрекъ совершенно неосновательный. Мы уже имѣли случай отмѣтить обстоятельство, почему великій писатель не раскрываетъ предъ нами чисто религіозную сторону души Зосимы—его „святая святыхъ“. Именно только не раскрываетъ. Зосима далеко, конечно, не позитивистъ, и землей одной не ограничивается, что видно, напр., изъ слѣдующей глубокой его мысли: „Многое на землѣ отъ насъ скрыто, но взамѣнъ того даровано намъ тайное ощущеніе живой связи нашей съ міромъ инымъ, съ міромъ горнимъ и высшимъ; а и корни нашихъ мыслей и чувствъ не здѣсь, въ да

мірахъ иныхъ. Вотъ почему и говорятъ философы, что сущность вещей нельзя постичь на землѣ“...

Сверхъ всего этого, полагаемъ, достаточно будетъ сказать, что для Достоевскаго, какъ величайшаго психолога, важна не внѣшность—церковно-обрядовая сторона, не догматика даже, а внутренняя, душевная, безъ которой первая не имѣетъ никакой цѣны предъ очами Бога. Извѣстно, что и бѣсы вѣруютъ, и... трепещутъ. Въ ветхомъ же завѣтѣ сказано на этотъ счетъ чрезвычайно энергично и опредѣленно—и при томъ народу, у котораго обрядъ имѣлъ еще большое значеніе, чѣмъ онъ имѣетъ у насъ, христіанъ: „Что Мнѣ множество жертвъ вашихъ? глаголетъ Господь... Кадило (ваше) мерзость Ми есть; новомѣсячій вашихъ и субботъ и дне великаго не потерплю; поста... и праздниковъ вашихъ ненавидитъ душа Моя“ (Пр. Ис. I, 11—14).

Усвойте этику христіанскую, проведите евангельское начало въ свою жизнь—это прежде всего, это важнѣе,—учитъ насъ Достоевскій,—и только послѣ этого будетъ имѣть значеніе и все остальное: и обрядъ, и молитва, и вся внѣшняя сторона религіи. Безъ души, безъ любви къ людямъ религія—одна лишь форма, лишенная содержанія. Даже подвижничество, не говоря уже о простой обрядности, теряетъ свою цѣну, разъ оно замыкается въ себя и эгоистически забываетъ о другихъ, о служеніи другимъ, о любви къ людямъ. Эту именно мысль выражаетъ Достоевскій, рисуя въ „Братьяхъ Карамазовыхъ“ суровую аскетическую фигуру Ѳерапонта, завистника и недоброжелателя Зосимы. Ѳерапонтъ у Достоевскаго — представитель аскетическаго пониманія христіанства, не согрѣтаго теплотой сердца, а потому мрачнаго и почти злобнаго: („Постовъ не содержалъ по чину схимы своей... Конфетою прельщался, барыни ему въ карманахъ привозили, чаемъ сладобился“..., осуждалъ Ѳерапонтъ старца Засиму). Достоевскій противъ такого пониманія христіанства.

У насъ вообще принято почему-то думать, что духъ подлинно христіанской жизни, а иноческой въ особенности, есть и долженъ быть непремѣнно духомъ унынія и скорби. Достоевскій въ „Бр. Карамазовыхъ“ горячо возстаетъ противъ этого: по его убѣжденію, и иноческая и вообще христіанская жизнь есть и должна быть

тихо-радостной жизнью попреимуществу, потому что гдѣ истина, тамъ и радость, гдѣ дѣятельная любовь, тамъ уныніе психологически невозможно.

— „Други мои,—училъ Зосима,—просите у Бога веселья. Будьте веселы, какъ дѣти, какъ птички небесныя... Бѣгите, дѣти, унынія“... Трогательный разсказъ старца о своемъ братѣ-юношѣ, умершемъ 17-ти лѣтъ, представляетъ собою апоѳеозъ радостно-христіанской настроенности и умиленія.

Тайна истинно-христіанской настроенности и вмѣстѣ истинно-счастливаго самочувствія заключается, какъ это видно изъ романа „Бр. Карамазовы“, не въ одной лишь вѣрѣ въ Бога и глубокой преданности Ему (Ѳерапонтъ не обладалъ этой тайной), но и въ освобожденіи отъ эгоизма, что и было достигнуто Зосимой, который являлъ собою живое воплощеніе любви къ людямъ—въ особенности же къ „страждущимъ и обремененнымъ“, „скорбящимъ и озлобленнымъ“. Печаль, тоска, уныніе, подавленное самочувствіе, чуждое малѣйшихъ крупинокъ счастья, все это неизбѣжный удѣлъ того, кто стоитъ въ ложномъ отношеніи къ самому себѣ, а чрезъ это и къ другимъ,—кто свое „я“, свой эгоизмъ ставитъ на первое мѣсто. Пока человѣкъ думаетъ о себѣ—о своей ли выгодѣ, о своемъ ли покоѣ, о счастьи ли, объ удовольствіяхъ, даже о смыслѣ своей жизни, до тѣхъ поръ ни счастье, ни смыслъ жизни не дадутся ему. Философъ Иванъ Карамазовъ, все время разрѣшавшій свои „проклятые“ вопросы, такъ и остался внѣ разрѣшенія, внѣ смысла и внѣ счастья. Димитрій былъ сплошнымъ „надрывомъ“, пока думалъ только о себѣ, а о другихъ постольку, поскольку они были для него средствомъ, орудіемъ наслажденія или осмысленія его собственной жизни. Только тогда мелькнула ему первая улыбка настоящей радости и счастья, когда въ своемъ знаменательномъ снѣ *) онъ впервые обратилъ иное, альтруистическое вниманіе на другихъ—на обездоленныхъ, голодныхъ, холодныхъ, ждущихъ отъ людей-братьевъ теплаго участія и помощи. Иными словами—въ Димитріи яркимъ свѣтомъ вспых-

*) — „Я хорошій сонъ видѣлъ, господа, странно какъ-то произнесъ онъ (Митя), съ какимъ-то новымъ, словно радостью озареннымъ лицомъ“. („Бр. Кар.“).

нула совѣсть и указала ему дальнѣйшій, истинный и счастливый жизненный путь. Вспыхнула же она ярко вслѣдствіе пережитыхъ имъ страданій. И въ этомъ глубокая жизненная правда, выраженная просто и наглядно въ слѣдующихъ русскихъ пословицахъ: „не видавъ горя, не узнаешь и радости“, „не отвѣдавъ горькаго, не узнаешь и сладкаго“, „натерпишься горя— научишься жить“, „бѣда вымучитъ, бѣда и выучитъ“ и т. п. Достоевскій, такимъ образомъ, не одинокъ, приписывая страданіямъ роль очищающаго горнила: съ нимъ многовѣковая народная мудрость.

Но страданія, по Достоевскому, не только даютъ человѣку ключъ къ сочувственному пониманію чужихъ страданій, чужого горя, не только дѣлаютъ его нравственно болѣе чуткимъ и жизненно болѣе опытнымъ, но и служатъ нѣкоторымъ искупленіемъ за грѣхи,— за скверное, безнравственное и безбожное прошлое. Страданія, поэтому, иногда являются настоящимъ благодѣяніемъ для человѣка, и онъ самъ жаждетъ ихъ. Такъ случилось съ Димитріемъ Карамазовымъ: осужденный на каторгу за мнимое преступленіе, этотъ „безудержъ Карамазовскій“, какъ онъ самъ себя назвалъ, благословляетъ предстоящую ему каторгу, какъ нѣчто заслуженное имъ, всей прошлой его безпутной жизнью, но что должно воскресить его для новаго, лучшаго, нравственнаго будущаго. Правда, онъ не прочь воспользоваться благопріятными обстоятельствами и бѣжать— въ Америку, но не отъ страданій и каторги: „Если я и убѣгу, даже съ деньгами и паспортомъ, и даже въ Америку, то—признается онъ Алешѣ—не на радость убѣгу, не на счастье, а воистину на другую каторгу, не хуже, можетъ быть, этой! Не хуже, Алексѣй, воистину говорю, что не хуже!“...

Страданія сдѣлали Димитрія, несомнѣнно, лучшимъ, чѣмъ онъ былъ до нихъ. Не на всякаго, однако, страданія дѣйствуютъ такъ благотворно: иные, какъ, напр., Иванъ Карамазовъ, страдая, лишь еще болѣе ожесточаются. Условіемъ благотворнаго дѣйствія страданій на душу человѣка является, по Достоевскому, возможность смиренія и тѣсно связаннаго съ нимъ покаянія. Тотъ же Димитрій, послѣ разразившейся надъ нимъ катастрофы, такъ, между прочимъ, говоритъ о себѣ

съ искренностью, не вызывающей и тѣни сомнѣнія: „слышу десницу Божію на себѣ. Конецъ безпутному человѣку... Безпутенъ былъ, но добро любилъ. Каждый мигъ стремился исправиться, а жилъ дикому звѣрю подобенъ“. Алеша, приглашая Катерину Ивановну навѣстить въ послѣдній, можетъ быть, разъ несчастнаго Митю, увѣряетъ ее, что „съ нимъ многое совершилось съ того дня“. „Онъ понимаетъ“, что его „нельзя простить“, что онъ „неисчислимо виновенъ“ передъ нею... Справедливость требуетъ сказать, что Димитрій и раньше, до катастрофы, обнаруживалъ склонность, хотя и подъ хмѣлькомъ, признаваться предъ близкими его сердцу людьми въ своихъ паденіяхъ,—не въ похвальбу себѣ, а съ тоской, со слезами скорби и какъ бы покаянія. Но это еще не было настоящимъ раскаяніемъ, это были только предвѣстники его; было ясно, что Димитрій представлялъ собою почву благопріятную для прекрасныхъ возможностей — для чудныхъ плодовъ искренняго смиренія и дѣятельнаго покаянія.

Въ связи съ излюбленной идеей Достоевскаго о благотворномъ значеніи страданія, смиренія и покаянія необходимо отмѣтить необыкновенно глубокую, всеохватывающую мысль его о виновности и отвѣтственности каждаго предъ всѣми и всѣхъ предъ каждымъ. Надо подняться на неизмѣримую высоту нравственнаго, чтобъ высказывать мысль эту не какъ афоризмъ или какую-то загадку, а твердое убѣжденіе, диктуемое выдающеюся нравственною чуткостью. Понятно, что безупречнымъ выразителемъ такой мысли могъ быть только старецъ Зосима—не иной кто. Будучи христіаниномъ истиннымъ, для котораго слово, настроеніе и дѣло гармонически сливаются въ одно прекрасное цѣлое, старецъ не ограничивается только признаніемъ отвѣтственности всякаго „за все и всѣхъ“, но добавляетъ, что надо и сдѣлать себя отвѣтчикомъ за другого — пострадать за него. „Какъ ни безумно, но правда сіе“, — говоритъ Зосима: „ибо былъ бы я самъ праведенъ, можетъ и преступника, стоящаго предо мною, не было бы“; „ибо могъ свѣтить злодѣямъ даже какъ единый безгрѣшный и не свѣтилъ“, а „если бы свѣтилъ, то свѣтомъ своимъ озарилъ бы и другимъ путь, и тотъ, который совер-

шилъ злодѣйство, можетъ быть не совершилъ бы его при свѣтѣ твоемъ"...

Какъ, какими путями могъ достигнуть такой нравственной высоты Зосима? Бываютъ такія благодатныя натуры, которыя хотя въ первое время своей жизни и не обнаруживаютъ ничего особеннаго, тѣмъ не менѣе таятъ въ себѣ „искру Божію",— „приходитъ срокъ", подъ вліяніемъ какого-нибудь жизненнаго случая, чаще всего печальнаго или трагическаго, вспыхиваетъ въ душѣ человѣка эта искра и разгорается въ яркое пламя, освѣщающее и согрѣвающее многихъ. Изъ такихъ, отмѣченныхъ печатью особой благодати, и былъ Зосима, какъ бы ни казалось намъ (судя по его разсказу о себѣ самомъ), что онъ до принятія монашества представлялъ всей своей личностью самаго обыкновеннаго, заурядпаго человѣка *). Поводомъ—не причиной,—благодаря которому обнаружилась „искра Божія" у Зосимы, послужила дуэль его (до монастыря онъ былъ офицеромъ). Совершенно потерявъ душевное равновѣсіе, „свирѣпый и безобразный" (по собственному позднѣйшему признанію), разсердился Зосима передъ самою дуэлью на деньщика своего Аѳанасія и „ударилъ его изо всей силы два раза по лицу", „съ звѣрскою жестокостью" и безъ всякой вины со стороны солдата-слуги, и вотъ едва насталъ свѣтлый день послѣ темной ночи, когда совершился безобразный поступокъ, проснулась и властно заговорила въ душѣ офицера-Зосимы совѣсть. „Словно игла острая прошла мнѣ всю душу насквозь",— вспоминаетъ Зосима давно минувшее: „Стою я какъ ошалѣлый, а солнышко-то свѣтитъ, листочки-то радуются, сверкаютъ, а птички-то, птички-то Бога хвалятъ... Закрылъ я обѣими ладонями лицо, повалился на постель и заплакалъ навзрыдъ"... На помощь совѣсти пришли тутъ воспоминанія чистаго ранняго дѣтства. Вспомнилъ Зосима своего покойнаго брата, умершаго въ ранней юности, его страстную и поэтически нѣжную любовь къ жизни и ко всякому созданію Божію, умилитель-

*) Жизненныя обстоятельства, подобныя тѣмъ, какія выпали на долю Зосимы до монашества, со многими бываютъ, почему же на свѣтѣ такъ мало Зосимъ?.. Потому, что изъ *заурядпаго* человѣка никакія обстоятельства не сдѣлаютъ идеальной личности.

ное покаяніе передъ смертью и какое-то особенное, небесное просвѣтлѣніе его души. Кончилось у офицера-Зосимы тѣмъ, что онъ поклонился своему денщику въ ноги, прося прощенія, на дуэли отказался стрѣлять въ противника, подалъ въ отставку и вступилъ на „путь иноческій". Изъ разсказа Зосимы о переломѣ въ своей жизни видно, что главная сила, сдвинувшая его съ ложной дороги и поставившая на вѣрную, заключалась въ религіозно-нравственномъ характерѣ дорогихъ впечатлѣній, вынесенныхъ изъ собственной дѣтской жизни. Не будь въ его жизни такихъ впечатлѣній и воспоминаній, можетъ быть, и Зосимы не вышло бы изъ офицера. Такова сила впечатлѣній дѣтства! ими, можно сказать, опредѣляется дальнѣйшая жизнь человѣка; они же, эти впечатлѣнія, могутъ выручить, спасти его въ труднѣйшіе и мучительные моменты жизни. Практическій выводъ отсюда, естественно, тотъ, что необходимо, если мы дѣйствительно любимъ дѣтей и желаемъ имъ счастья въ будущемъ, окружать ихъ атмосферой не безцвѣтной прозаической обыденщины, обыкновенно дружащей или съ индифферентизмомъ или невѣріемъ, а атмосферой вѣры въ Бога и жизни по этой вѣрѣ — съ поэзіей тихо мерцающихъ лампадъ предъ образами, съ поэзіей говѣнія и причащенія св. Таинъ, съ ни чѣмъ несравнимой, сладостно-умилительной грустью Страстной недѣли, съ благоговѣйной радостью и торжествомъ въ Свѣтлое Христово Воскресеніе, съ цвѣтами, съ зеленой травкой въ Троицынъ день и т. д.

Принимая во вниманіе сильное душевное потрясеніе, рыданія, земной поклонъ офицера денщику и пр. у Зосимы въ моментъ перелома его духовной жизни, видимъ, что и онъ пришелъ къ новой жизни — осмысленной и счастливой—чрезъ страданія, и въ немъ, такимъ образомъ, какъ и въ Димитріи, началомъ возрожденія была проснувшаяся совѣсть, на которую онъ раньше мало обращалъ вниманія. Но въ романѣ есть лицо, которое и безъ страданій, а какъ бы само собой и сразу стало на вѣрный путь — это Алеша Карамазовъ, самородокъ человѣка, въ томъ смыслѣ, какъ бываютъ самородки драгоцѣннаго металла, непуждаю-

щіеся въ особомъ очищеніи, потому что оно излишне. Но, надо замѣтить, и въ сердцѣ Алеши было очень живо одно изъ раннихъ дѣтскихъ воспоминаній—горячая молитва матери за него, милаго, безцѣннаго маленькаго Алешу (ему было тогда не болѣе трехъ лѣтъ).

Алеша—идеальный образъ юноши, вѣрующаго, чистаго сердцемъ и помыслами, скромнаго, тихаго, любящаго людей альтруистическою любовью. Однимъ изъ замѣчательныхъ качествъ его было то, что онъ никогда никого не осуждалъ—даже безпутнѣйшаго отца, который своимъ открытымъ и постояннымъ цинизмомъ такъ и напрашивался на осужденіе.

Юный посланникъ и ученикъ Зосимы, Алеша, всюду, гдѣ только ни покажется, вноситъ свѣтъ и тепло; даже заматорѣвшій въ своемъ распутствѣ отецъ его иногда отъ общенія съ этимъ своимъ сыномъ приходилъ какъ бы въ нѣкоторое просвѣтлѣніе и нелицемѣрно называлъ его ангеломъ. „Ранній человѣколюбецъ"—такъ опредѣляетъ своего юнаго героя Достоевскій, и въ этомъ опредѣленіи идейный смыслъ его. Значеніе же его есть значеніе фермента, бродила: „малъ квасъ все смѣшеніе кваситъ",—душевное тепло болѣе заразительно, чѣмъ душевный холодъ. Небольшая искра можетъ вызвать вокругъ цѣлое море огня, тогда какъ комокъ снѣга или кусокъ льда не создаютъ соотвѣтствующаго эффекта въ своей области холода, а скорѣе сами растаютъ. Поэтому и возлагаетъ на Алешу большія надежды нашъ писатель. Старецъ Зосима, собираясь умирать и напутствуя Алешу, такъ опредѣляетъ будущее его: „Изыдешь изъ стѣнъ сихъ, а въ міру пребудешь какъ инокъ. Много будешь имѣть противниковъ, но и самые враги твои будутъ любить тебя. Много несчастій принесетъ тебѣ жизнь, но ими-то ты и счастливъ будешь и жизнь благословишь, и другихъ благословить заставишь,—что важнѣе всего. Ну, вотъ ты каковъ!.."

Алеша не долго пробылъ въ монастырѣ. Юноша, несмотря на свою молодость, уже созрѣлъ для подвиговъ жизни—для любви не мечтательной и безплодной, а дѣятельной. Подготовительную школу—монастырь онъ прошелъ такъ быстро потому, что отъ природы былъ надѣленъ чуднымъ сердцемъ—ему передалась душевная красота его матери. Оттого его такъ и любилъ осо-

бенно и выдѣлялъ старецъ Зосима, называя его не иначе какъ: „сынокъ“, „сынокъ милый“ или просто „милый“.

Старецъ не только не удерживаетъ Алешу въ монастырѣ, но напротивъ — самъ его въ міръ посылаетъ. Этому обстоятельству мы должны придать большое значеніе, какъ факту, ясно показывающему, что Зосимѣ-Достоевскому не монастырь самъ по себѣ нуженъ и дорогъ, не ряса монашеская и не клобукъ, а то, что за ними должно открываться въ человѣкѣ: сердце чистое, вѣра глубокая и любовь дѣятельная. Истинный путь человѣка на землѣ—служеніе Богу посредствомъ служенія людямъ,—вотъ основное убѣжденіе автора „Братьевъ Карамазовыхъ“.

Въ чемъ именно должна была выразиться плодотворная дѣятельность Алеши въ „міру“, доподлинно неизвѣстно. Объ этомъ сказалъ бы намъ второй — главный романъ, по замыслу Достоевскаго, но преждевременная смерть писателя (онъ умеръ, имѣя не болѣе 60-ти лѣтъ отъ роду) лишила насъ высокаго наслажденія послушать новыхъ, навѣрное, не менѣе интересныхъ и глубокихъ рѣчей этого учителя жизни, вѣры и любви.

Можно рѣшительно думать, что второй томъ „Братьевъ Карамазовыхъ“ также былъ бы вѣскимъ „оправданіемъ добра“, но еще болѣе — оправданіемъ радостной христіанской жизни, радостной въ томъ самомъ смыслѣ, въ какомъ былъ радостнымъ старецъ Зосима.

Въ заключеніе мы должны сказать, что невозможно сразу охватить все, что даетъ намъ нашъ великій писатель-учитель своимъ романомъ „Братья Карамазовы“. Читайте этотъ знаменитый романъ, перечитывайте вновь, углубляйтесь въ него—безъ пропусковъ, безъ торопливости, и вы все глубже и глубже будете чувствовать, какое это безцѣнное, неисчерпаемое сокровище для русскаго человѣка, не потерявшаго еще связи съ дорогой родиной.

Мих. Тычининъ.